

Шумская Елизавета

Олень, фея и камень

Елизавета Шумская
Олень, фея и камень
Серия «Записки маленькой
ведьмы», книга 11

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64353211

Аннотация

Все ближе и ближе проклятые камни, а значит, и цель скоро будет достигнута. Вот только как их разрушить? Гномьей киркой или словом волшебным? Или что-то другое потребуется знахарке Иве и ее друзьям, чтобы уничтожить опасность? И если все так непросто с первыми четырьмя камнями, какой же будет пятый?

Содержание

Часть первая	4
Часть вторая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Елизавета Шумская

Олень, фея и камень

Часть первая

Земля снегов и тайн

*Он бежал, и сильные рога
Задевали тучи, облака...*

«Лесной олень» Ю. Энтин

– Вы не должны были встретиться, – женский голос звучал будто через плотный слой ткани. – Слишком рано.

Ива попыталась открыть глаза, чтобы увидеть говорившую. Почему-то поднять веки оказалось невероятно сложно. Но даже совершив этот подвиг, девушка усомнилась в том, что видит. В нескольких шагах от нее сидела женщина в длинном балахоне с бахромой и гладила огромного медведя, смиренно лежащего у ее ног. Правда, сейчас он недовольно пыхтел, словно ворчал.

– Да-да, я знаю. Ты лучше других мог ее защитить. Еще бы! Но нельзя, нельзя тебе сюда возвращаться! А если бы я не успела?

Женщина медленно, вдумчиво проводила по шерсти зве-

ря, пока он вновь что-то фыркал в ответ, и качала головой. Рваные же раны, над которыми проходили ее руки, медленно, но верно затягивались. Почему-то это зрелище успокоило Иву. Хотя в голове упрямо билась совершенно непонятная, но удивительно раздражающая мысль: «А чего это она моего медведя лапает?»

Глаза девушки начали неумолимо закрываться, а сознание – уплывать. Последнее, что она слышала, прежде чем вновь уснуть, было:

– Тебе нужно уходить. Ты больше не можешь ее охранять. Иначе от твоего разума совсем ничего не останется.

В следующий раз Ива очнулась, чувствуя себя куда лучше. Глаза больше не застилала мутная пелена, чем девушка и воспользовалась, чтобы оглядеться. И совершенно не поняла, где находится. Больше всего это походило на шатер, но просто огромный и накрытый не тканью, а шкурами. Юная чародейка чуть прищурилась, пытаясь рассмотреть стены. И правда, шкуры. Держалось это все на слегка изогнутых шедах, создающих своего рода купол. А в центре их поддерживали два столба, рядом с которыми над ямой с очагом висел котелок. Вдоль стен стояли какие-то короба, парочка низких столиков, посуда, лежали шкуры и многие другие предметы, назначения которых Ива совершенно не представляла. Да где же она?!

Девушка призвала мысли к порядку, волей придавив за-

рождающуюся панику. Так, что она помнит?..

Стоило только задуматься над этим, как из памяти, заставив вздрогнуть, выскочило чудовище с лицом Бьёра...

— Я не деретник... — голос мужчины казался таким живым, с пробирающе знакомыми интонациями. Чудесный голос... Вот только Бьёр умер. Умер и похоронен. Тогда, после его смерти, Сул, местный проводник, пугал их деретниками. Говорил, что нужно их погибшего командира похоронить совершенно жутким образом — с отрезанной головой и землей во рту, иначе в его тело вселятся злые духи и получившаяся в результате тварь станет невероятно быстрой, сильной и способной подчинять себе время. И вот он перед ней: как живой. Ставший близким и родным за это трудное, опасное, такое страшное путешествие, что до слез хочется ему поверить... — Я не деретник...

Вот только... обличье гвардейца сползает с него как шкура со змеи. А под ней оказывается незнакомая тварь с темной кожей, желтыми глазами и пастью, полной острых клыков.

— Я хуже...

Удар — и больше Ива ничего не помнит.

А, да! Еще были черноволосая женщина в балахоне с бахромой и огромный бурый медведь у ее ног. Но это же, наверное, сон, так ведь?

— Очнулась?

За воспоминаниями и мыслями Ива не заметила, как в странном шатре появилась та самая женщина из «сна». Теперь девушка могла как следует ее рассмотреть. Незнакомка средних лет казалась уроженкой здешних мест, по крайней мере, у Сула были такие же раскосые глаза. Черные прямые волосы, смуглая кожа, характерное плоское лицо – да, несомненно. К тому же одежда соответствующая: пошитая из замши, расшитая бусинами, металлическими изображениями животных и чем-то вроде бубенцов. Такое нигде больше не увидишь. Кстати, и для местных не слишком обычно. Наверное, это не простая женщина. Жена вождя как минимум, но куда вероятней – шаманка. Теперь Ива во все глаза уставилась на нее. Слышать-то она о таких чародеях слышала, но ни разу не встречала. Говорят, их колдовство – что-то невероятное, совершенно особенное и непохожее на магию, какую преподают в университетах.

Девушка невольно перешла на магическое зрение, но не увидела вообще ничего. То есть совсем – ни шатра, ни женщины... Вообще ничего. В ужасе она вернулась к обычному способу глядеть на мир: и всё оказалось на месте.

– Я... – чародейка в панике уставилась на хозяйку шатра, только сейчас заметив, что один глаз у нее карий, а второй – настолько светлый, будто радужки нет совсем.

– Нет, – покачала головой шаманка, – ты не умерла.

Она прошла к очагу, присела и принялась помешивать варево в котелке.

– Можешь встать?

Ива, оторопело молчавшая все это время, спохватилась и попробовала подняться. К некоторому ее удивлению, чувствовала она себя вполне сносно, только голова кружилась немного.

Как оказалось, одежду ей сменили. Теперь на ней была такая же, как у хозяйки, замшевая рубаша до пола (как, интересно, называется?). Под ней оказалась тканевая сорочка.

– Надень вон штаны, я там положила. Иначе замерзнешь.

Знахарка уже ощутила ледяные щипки мороза и поспешила воспользоваться щедростью незнакомки. На ноги девушке предложили забавные меховые сапожки, от которых она пришла в восторг. Выглядел оный, правда, бледновато, но сейчас веселиться как-то не хотелось.

Юная чародейка, преодолевая головокружение, дошла до очага и уселась на уложенную рядом с ним шкуру. Взяла в руки протянутую чашку и вдохнула аромат. И вот тут ей уже действительно захотелось улыбаться. Она узнала многие травы, из которых сварили этот напиток. И все для придания сил, снятия магического истощения, скорейшего лечения ран... Она что, ранена? Ива попыталась что-то почувствовать, но тело скорее противно ныло, чем болело. Да и не удивительно после того... того...

Перед глазами вновь будто наяву... вот валится на землю зарезанный часовой... хромающая «росомаха» злорадно смотрит прямо знахарке в глаза... крыса-переросток вцеп-

ляется Грымму в ногу... «я не деретник, Ива»...

– Грым...

Магическое истощение, шаманка, тварь с лицом Бьёра...
какое это все имело значение, если...

– Грым? Он жив? Где он?

Женщина смотрела на гостью спокойно и серьезно.

– О ком ты говоришь?

– Троль! Со мной был троль. Грым. В такой... такой...
куртке, рубаху я вышила зеленым. И двуручник. Он всегда
с двуручником! Маг... – слова панически срывались с губ,
а сама девушка отчаянно оглядывалась. Понимала, что ока-
жись друг здесь, она не смогла бы его не заметить, но отча-
янно цеплялась за пустую надежду.

– Тут только мы. Тебя принес айытон, мой добрый друг,
но только тебя одну, – размеренным, призывающим к здра-
вым рассуждениям голосом ответила шаманка.

– Одну?... – потерянно проговорила Ива, с мольбой смотря
на хозяйку шатра, будто прося ее сказать, что она пошутила.

– Да, он спас тебя и принес ко мне. Между прочим, рискуя
собой и самым главным, что у него есть, – своим разумом.

Ива постаралась понять, о чем речь. Но в груди так боль-
но жгло при мысли о друге, что мысли путались. Горло пере-
хватывали спазмы. Хотелось согнуться и завывать от какой-то
жуткой, невыносимой безысходности.

– Нет, не смей! – приказала шаманка. – Не смей плакать о
нем. Если твой друг жив, твои слезы притянут к нему беду!

Будешь плакать по живому – погубишь его!

Девушка дернулась и вновь во все глаза уставилась на женщину. Сказано было так, что Ива как-то сразу в это поверила.

– Тьма любит боль. Пойдет по ней как по ниточке! Не дай тьме ее почуять. Потом выплечешь, если будет о чем. Не хори друга раньше времени! Не смей!

Знахарка отчаянно закивала. Да-да, все верно. Нельзя сейчас плакать. Она будет верить до последнего, что с ним все хорошо. К гоблину! С ним все должно быть хорошо. Она будет верить, и Грым справится. Да она эти земли перевернет к гоблину, но найдет его! Да что бы там ни было! Только сначала... девушка схватилась за шею, пытаясь нащупать амулет. Ее тут же бросило в холодный пот. Ни подвески, ни шнурка...

– Моя одежда! У меня на шее был такой кулон... Камешек. Я... он мне нужен!

– От твоей одежды практически ничего не осталось. Но я не стала выкидывать. Посмотри сама.

Шаманка не преувеличила: это не одежда, это лохмотья. Все порвано, в крови, еще невесть в чем, даже трогать противно. Живи Ива по-прежнему в деревне, она попыталась бы спасти хоть что-то, но сейчас это не имело смысла. Чинить нечем, только срезать кое-что, остальное выкинуть.

– Одежду я тебе дам, не волнуйся, – проговорила шаман-

ка. – Это нужно сжечь. Кровь созданий тьмы на ней. Будет приманкой.

Ива кивнула.

– Я потеряла амулет, – произнесла она, вытирая уголки глаз основанием ладони. Не хватало получить еще один выговор за слезы.

– Мой друг рассказал мне про твою... миссию. Идем к очагу обратно. Тебе нужно поесть.

Они вернулись к огню.

– Айытон рассказал? – после пары глотков отвара и нескольких минут молчания Ива наконец-то поймала ускользающую мысль. – Вы сказали, он меня принес. Спас.

– Да, и я хочу, чтобы ты запомнила, как он рисковал ради тебя. – Женщина нахмурилась, оглядывая девушку недовольным взором.

– Я запомню, – Ива вздохнула. – Я правда запомню. Я... кажется, я видела его, когда ненадолго очнулась. Большой такой... бурый. Вы лечили его раны и говорили, что... «вы не должны были встретиться», – вспомнила она в первую очередь, – что он должен уходить.

– Да, он защищал тебя и твое сопровождение, сколько мог. Он шел за вами от самой крепости и не давал тварям найти вас. Кого-то отгонял, кого-то приманивал на себя. В этих землях айытонов бояться. Они всегда славились как те, против кого лучше не выходить. А после того, как гнев Дартун пал на любимцев ее сестры, так они и вовсе стали счи-

таться самыми опасными существами этих мест. По крайней мере, одними из...

– Так это правда! – не удержалась Ива и тут же смутилась. – Про хозяйку Дартун, ее возлюбленного и айытонов... – знахарка помнила эту печальную историю, рассказанную их проводником.

– Дартун все еще гневается на айытонов. Думаю, ее гнев не пройдет никогда. – Шаманка посмотрела вперед, будто сквозь века. – А значит, никогда не сойдет ее проклятие с айытонов. И они не смогут больше служить Седвулин, стоять на страже мира духов, не смогут даже вернуться сюда...

Женщина повернулась к Иве всем корпусом и внимательно посмотрела на нее.

– Для них это действительно проклятье. Многие из них даже не смогли уйти от этих земель. Остались обычными зверьми, но не ушли. Кто же ушел... их вечно гложет тоска по льдам Гор Пред Вечными Снегами и по служению... Даже те из их потомков, чью кровь разбавили люди и прочие существа вашего мира... даже им нелегко. Тянет сюда, манит, зовет, но стоит им ступить в эти земли, – шаманка вновь глянула в глаза Ивы, и ту снова пробрало от ее разноцветных глаз, – их разум слабеет, и они медленно, но верно превращаются в животных. Теперь ты понимаешь, чем он рискнул ради тебя?

Девушка на миг опустила взгляд, отчего-то стало стыдно, хотя она и сама не понимала причину. Разве ее вина в том,

что так случилось с айытонами? Разве ради развлечения или забавы она отправилась в эти проклятые земли?

– Почему? – снова посмотрела Ива на собеседницу.

Та только вздохнула.

– Вы рано встретились. Не должны были... Но судьба вас привела на те болота, столкнула. И теперь нити судьбы перепутаны.

– Болота?

– Жаль... – Хозяйка вновь задумалась. – Но что тут исправишь?

«Ничего не понимаю», – в голове все путалось, и до сих пор хотелось плакать. Ива посмотрела на варево в своей миске. Есть совершенно не тянуло, однако девушка взялась за ложку.

– Он... справится? – прошептала знахарка. – Он... его разум?

– Я подлечила его. – Шаманка подлила Иве отвара. – Раны ему не так страшны. А вот за голову его бедовую беспокоюсь. Слабое это его место. Запомни. Если все же сойдется, тебе придется о ней заботиться.

«Так и знала, что судьбой мне предназначены не красавчики-плуты, какие всегда нравились. Говорила же тетка... Голова – слабое место, хорошо, я запомню. – И Ива невольно начала перебирать в голове, что знала о лечении разума. Оказалось, прискорбно мало. – Может, Златко поможет?» Впрочем, скоро эти мысли отошли на второй план, когда де-

вушка вспомнила про утерянный амулет и мигом помрачнела.

– Мне нужно найти камень, – выпалила она. – В смысле... кулон такой... в виде...

– Я знаю, – прервала ее путанные объяснения шаманка. – Мой друг рассказал о причинах. И я обещала помочь.

– Поможете?! – Ива с бешеной надеждой посмотрела на женщину.

– Помогу, – в первый раз улыбнулась та. – Только поешь сначала.

– Шаман не вождь, он не ведет людей, особенно если это женщина. Он советует, направляет, передает волю духов, разумеется, но не ведет. – Все началось с вопроса Ивы о том, как обращаться к собеседнице, и ее грустного ответа: «Уже вечность я не слышала своего имени из уст человека». – Когда вожди решили выбрать других хозяев, я ничего не смогла сделать.

Ива с подозрением уставилась на женщину. Кажется, она уже слышала эту историю...

– Мне пришлось уходить со всеми. А потом бежать со всеми...

«Их гнали как диких зверей с привычных земель», – вспомнила девушка полный одновременно злорадного удовлетворения и невероятной горечи голос хозяйки Нум-га.

– Мы не смогли бы уйти... Все легли бы... И мне при-

шлось колдовать. — Шаманка смотрела в пустоту, и Ива могла только догадываться, что она там видела.

Невыносимый холод, нет еды, пал практически весь скот, племени почти не осталось — кто умер, кто болен, остальные истощены и измучены. За ними погоня, и пощады ждать не приходится, а хозяева больше не помогут. В конце концов их загнали в ловушку. Что ею стало? Местность, из которой не выбраться, или просто кончились силы? В какой момент они поняли, что это конец?

— Без хозяев мои силы... смешно подумать, как их было мало. Но я молила духов, землю, небо и камни... И меня слышали...

Круг из золы на утоптанном снеге, скулящие собаки за спиной. Чешуя рыбы, обломок рога оленя и горькие травы в огне по центру. Мучительно отдается в висках барабан, и проходится по нервам тревожный звон бубна. Вдали разгорается восход и раздаются торжествующие рожки загонщиков.

Последний взгляд на своих — нескольких детей, уставших плакать, женщин с измученными лицами, мужчин с потерянными взглядами проигравших, нескольких упрямых старцев, которых ничто не сломит. Самые родные. Единственные выжившие из когда-то многочисленного, богатого племени.

А рожки все ближе.

Глаз не оторвать от этих лиц, так не хочется их отпускать, сердце рвется на части, но это ее решение — и они уходят. В

светящуюся арку из искр мороза, первых лучей и ее души.

Плачут от страха собаки, им тоже не хочется умирать. Но рожки все ближе. И остается только улыбнуться. Потому что загонщики не успели.

– Вот только у меня не будет посмертия, а они – не увидят солнца.

Знахарка нахмурилась, но так и не разобралась в том, что имеет в виду рассказчица. Взглядом попросила пояснить.

– Ты уже не в мире смертных, Ива, – шаманка первый раз назвала девушку по имени, и та вздрогнула от холодка, пробежавшего по коже рук. – Повезло, что ты человек лишь наполовину, иначе даже айытону не удалось бы пронести тебя сюда. Поэтому, кстати, твой друг тебя здесь и не найдет, даже ежели жив. Даже если вы будете стоять в одном и том же месте.

– Это... мир... ушедших? – знахарка перевела перепуганный взгляд на пустую миску, вспомнив многочисленные легенды, в которых героев всегда предупреждают не есть и не пить ничего в царстве мертвых.

– Нет, – к ее облегчению покачала головой шаманка. – Но это и не мир смертных.

– Я... не понимаю.

– Не все нужно понимать, – женщина на миг замолчала, потом продолжила, явно недовольная своим пояснением: – Я не знаю нужных слов, чтобы описать этот мир. Ежели тебе удастся разрушить камень, в поисках которого сюда пришла,

то, буде с тобой удача, освободившиеся силы выбросят тебя в мир смертных. Ежели ошибешься или позволишь себя убить, то отправишься в мир предков.

«Можно подумать, раньше было иначе», – с новыми для себя нотками сарказма подумала Ива.

– Камень сей действительно нужно уничтожить, – шаманка нахмурилась. – Много зла от него. Он давно проснулся. Я ощущаю его очень... всей шкурой своей ощущаю. Он, как гнойник, отравляет тело мира, в котором мы живем. И вот-вот уже выльет свою злобу в мир смертных. Только уничтожить его может лишь смертный, а я уже давно не живая. Тебе же нужно поторапливаться, нельзя живым долго здесь находиться. Сила этого мира проникает в кровь и меняет живых.

– Можно... как-то защититься? – Ива подумала, что это похоже на нахождение рядом с опасным артефактом или чем-то вроде природных магических источников: некоторые настолько переполнены плохой энергией, что вредят, ломают все, до чего смогут дотянуться.

– Быть живой. Не предаваться унынию. Силой и волей своей не позволять этому миру себя побороть, – женщина сурово посмотрела на гостью. – Никакой слабости, никакого отчаяния. Поддашься ему – и ничто тебя уже не спасет.

«И ты знаешь цену, которую заплатят за твою слабость остальные», – голос прозвучал прямо в голове. Ива так и не поняла, принадлежал ли он ей самой, Стонхэрму, Златко, мастеру Теобальду или шаманке. Но она знала. Знала эту це-

ну.

– Я дам тебе моих собак, – продолжила тем временем шаманка. – Они повезут тебя. Я объясню им куда.

– Они доvezут меня до камня?

– Нет, они доvezут тебя до оленей.

– Оленей?

– Да, здесь тоже есть олени.

«Превосходно. Значит, есть и хищники. А кто еще?»

– Лунные олени... – добавила шаманка и, предупреждая вопрос, пояснила: – Белоснежные, как луна в яркую ночь. Они питаются снегом и светом звезд. Тебе нужно будет выбрать того из них, кто отвезет тебя к камню.

– Какого-то конкретного оленя? А как я его узнаю?

– Узнать не сложно. Сложно приманить.

В тот день они о многом говорили с шаманкой. В ее шатре – яранга, вот как он, оказывается, называется – злая энергия этого мира не могла навредить, чем женщина и пользовалась, сначала леча айытона, теперь стараясь напитать Иву силами. Не пожалела она и одежды. Девушка долго крутилась, пытаясь рассмотреть себя. Хозяйка же только улыбалась, с материнской нежностью заплетая волосы гостыи в косу.

– Такие светлые...

Ива подумала, что это действительно необычно для этих земель. И с этим нарядом, наверное, выглядело странно. Девушка погладила непривычную, совершенно непонятную

для нее вышивку из костяных, деревянных и металлических бусин. Мягкая замша под ладонью чуть изменила цвет.

– Снаружи капюшон не снимай, – наставляла шаманка. Сама же смутилась от собственных слов, сунула Иве дорожный мешок в руки и вышла, откинув дверь из огромного куска шкуры. – Пошли, знакомить вас буду.

Собаки привели Иву в восторг. Гораздо крупнее, чем те, что она видела в крепости Суйтырь, но такие же серо-черно-белые, пушистые, с добрыми мордами и умными глазами. Впрочем, происхождение от волков читалось невооруженным взглядом. С такими не забалуешь. И если трое псов тут же выразили девушке свою симпатию, кинувшись за лаской и бешено виляя хвостами-колечками, то остальная четверка, наоборот, смотрела на знахарку с большим подозрением.

– Тимир! – позвала шаманка. – Иди сюда.

Один из четверых стоящих в стороне псов поднялся на лапы и пошел на зов. Шаманка только покачала головой, глядя его по холке, когда тот неторопливо приблизился.

– Тимир – главный в этой банде. Самый опытный и сообразительный. Именно он поведет всю упряжку. Я скажу ему, куда направляться. Дорога непроста, но Тимир отлично чувствует ее, не подведет.

Женщина наклонилась к уху собаки и, обняв за шею, что-то начала ей шептать. Пес слушал и периодически сурово по-

смастривал на Иву. Она же чувствовала себя провинившейся девчонкой перед строгим преподавателем. В какой-то момент шаманка замолчала, а Тимир задумался. Ответил ей каким-то странным рыком-кашлем, и еще какое-то время хозяйка продолжала то ли уговаривать его, то ли инструктировать.

Знахарка же, стараясь не слишком уж коситься на них, наглаживала более дружелюбных собак. Шерсть у них оказалась довольно жесткая, хоть и удивительно красивая. Да и вообще животные выглядели очень внушительно: широкая грудь, мощные лапы, крепкий костяк. Морды же с черными носами и карими глазами – умильными до невозможности.

Наконец шаманка и Тимир договорились. И они всей толпой отправились к саням. Собаки при этом так радовались, что Ива усомнилась, понимают ли они предстоящее им задание.

– Они так... радуются... – решила уточнить девушка этот момент.

– Это же рабочие псы, им такая пробежка за счастье. Засиделись они со мной, – женщина осматривала какие-то ремни, которые вынесла из дома. – Хорошо, что ты некрупная...

– Им будет тяжело?

Шаманка удивленно на нее посмотрела.

– Не смей меня. Ты же без груза, почитай. А так они и тролля бы твоего утащили с парочкой оленьих туш в придачу, просто запрягать бы по-другому пришлось.

– По-другому?

– Ну да, парами друг за другом. Так они больше груза могут увезти, но с поворотами тогда сложнее. На льду, опять же, вес неправильно распределяется. А коли налегке пойдете, то проще каждую отдельно. Быстрее пойдут. Вот смотри, берешь шлейку...

Какое-то время хозяйка учила Иву запрягать и распрягать собак, крепить лямки к саням. В результате Тимир оказался в центре на самом длинном поводке, остальные встали на корпус ближе к саням – крайние на более коротких лямках, средние – на более длинных. Получился этакий своеобразный веер.

– А им так удобно?

– Вполне. Поверь, тебе куда сложнее будет.

– Почему?

Оказалось, что придется стоять за санями на широких, но все равно не слишком удобных полозьях, вцепившись руками в спинку.

– Собаки знают следующие команды, запоминай!.. Колени согни – вылетишь же!..

Вожжу, вожжу держи!

К концу обучения Ива пришла к выводу, что доедет до места лишь чудом.

– Я же говорила, будет трудно, – резюмировала шаманка. – Но тебе придется куда проще, чем многим начинающим ездокам. – Женщина потрепала по голове очередного под-

лезшего к ней пса. – Это ведь давно уже не простые собаки. Вместе со мной они добровольно пошли в этот мир и стали тут мне верными спутниками. Они не бросят тебя, довезут куда нужно, как бы неумела ты ни была. Но и ты тоже постарайся облегчить им работу. Прежде всего ради себя самой. Нет ничего глупее, чем свернуть себе шею на каком-нибудь повороте, когда тебе предстоит настолько важное дело.

С этим Ива не могла не согласиться.

– Почему ты помогаешь мне? – задала она давно мучивший ее вопрос. – Потому что *он* попросил?

Женщина долго молчала, потом покачала головой.

– Я думаю, скоро... твои друзья... и мне помогут.

– Мои друзья? Не я?

– Твои друзья.

– Я не понимаю.

– Тебе и не надо.

Шаманка вела упряжку какое-то время, перепроверила всю упряжь, как закреплен груз, дала еще несколько наставлений и только потом сдержанно произнесла:

– Я буду молить духов, землю, небо и камни за тебя.

И наклонила голову в поклоне. У Ивы отчего-то перехватило дыхание. «Ее зовут Вечная Шаманка, – казалось, чей-то голос говорит ей это откуда-то извне. – Ее нет в живых, но и нет среди мертвых. Она вечна, потому что этой земле и этому миру потребовался хранитель. И потому, что она со-

гласилась отдать свою душу в обмен на шанс для своего племени. А ее псы последовали за ней. Без колебаний и полностью осознавая, что умирают. Ты оказалась в северной сказке, Ива-знахарка. Но эта сказка из льда, тьмы и страха».

Женщина тем временем повернулась, подняла руки и развела их в стороны. И тот же миг серый туман из снега и мрака раздвинулся и по глазам ударил ослепительный блеск залитой солнцем ледяной пустыни, которая так умело притворялась чем-то чудесным, так искренне сверкала в лучах всеми своими снежинками, что ей невольно хотелось верить. И улыбаться в ответ.

Даже доподлинно зная, что это все ловкий обман.

– Как тебя на самом деле зовут?

Шаманка вздрогнула и нахмурилась, мучительно вспоминая.

– Алалыйхана, – наконец произнесла она. – Счастливейшая...

Снежная пустыня казалась бесконечной. Бело-серое небо над головой и искристая равнина впереди. Собаки под предводительством Тимира неслись вперед, поднимались на холмы, иногда пересекали ледяные русла рек или даже плоские намертво скованные холодом озера. Для животных это была любимая работа, а места – разными и по-своему интересными. Иве же пришлось замотаться в шарф так, что остались видны только глаза, и то морозной воздух умудрялся щипать

за щеки. И не только. К тому же она несколько раз вылетала из саней, особенно на поворотах или когда псы сбивались с синхронного бега. Собаки, чего не отнять, быстро понимали, что остались без седока, и останавливались даже до того, как Ива приходила в себя настолько, чтобы вспомнить их имена.

Девушка сделала несколько привалов, больше нужных ей, чем ее «лошадкам». Ноги, руки, спина нещадно болели с непривычки. Еда будто превратилась в камни, куда там угощению хозяев Нум-га, и приходилось долго греть ее на костре, чтобы хоть как-то разгрызть. Но даже после такой обработки Ива не чувствовала вкуса. Зато спать в кругу собак, щедро делившихся с ней своим теплом, оказалось на диво уютно.

Утром знахарка проснулась в обнимку с Тимиром, но он сделал вид, что крайне этим возмущен, и тут же, вскочив, стал требовать завтрак. После одного девушка принялась запрягать собак, с содроганием понимая, что помнит едва ли половину из того, что ей говорила шаманка. Справиться со сбруей удалось только милостью мироздания. И это при том, что псы сами выстроились как надо и никак не мешали ей в столь нелегком деле. Более того, если Ива уж откровенно делала что-то неправильно, начинали порывивать и устраивать пантомиму, будто они задыхаются и корчатся в муках. Первый раз, когда пес упал на снег и начал дрыгать ногами, знахарка чуть там же не легла от ужаса. Этот же негодяй тут же вскочил и принялся ей вылизывать лицо, смешливо фыр-

кая в него и явно веселясь. Тимир от приятеля не отставал, но все же ткнул носом в неправильно пристегнутую лямку.

– Да, – буркнула Ива, открепляя упряжь и цепляя ее как нужно, – вы явно не обычные псы. Но это еще не повод смеяться. Я же в первый раз!

Собаки же, явно забавляясь, скалились и махали хвостами. Их не пугала ледяная пустыня и то, что может встретиться им на пути. Девушка же с содроганием думала о будущем. Что ждет ее впереди? И каков он, этот лунный олень?

– Тимир со стаей привезет тебя к стаду лунных оленей, – вспоминала Ива рассказ шаманки. – Ты легко их узнаешь. На их шкуре нет ни единого серого пятнышка. Ищи того, у кого будет луна меж рогов.

– Луна меж рогов?

– Ты поймешь. Когда узнаешь его, позови по имени.

– А какое у него имя?

– Я не знаю, – женщина улыбнулась, покачав головой.

– Но как же тогда...

– Он откликнется только на свое имя. И только тогда отвезет тебя к камню.

– Но я же не знаю его имени... – растерялась Ива.

– Эту загадку тебе придется решить самой.

Мысли об имени волшебного оленя не оставляли Иву, раз за разом возвращаясь и бегая по кругу. Он откликнется толь-

ко на свое имя, но его имени девушка не знает... И что делать? Белоснежный олень... с луной меж рогов... как могут звать его? Адуляр¹? Луна? Месяц? Снежок, гоблин его побори?!

Да и... какой язык использовать? Или все равно?

Надежда была только на то, что интуиция ведуньи подскажет. Вот увидит она это диво дивное с луной между рогов и прозреет. М-да... прямо вот сразу и прозреет... Снежок он там или Лункаменэль какой-нибудь...

Оказалось, что путешествие на собаках – занятие довольно однообразное, когда уже немного освоился. Это сначала все мысли – как бы не свалиться с саней, если еще не свалился. Потом приходит наслаждение от скорости, сверкающих просторов вокруг, забавных хвостиков впереди, но затем... остается лишь обжигающий холод, коварно заползающий под одежду, и странное медитативное состояние, будто эта ледяная пустыня, этот снег, это небо, этот бег входит в тебя, подменяет собой все твои мысли и чувства.

И выныриваешь из него, только чтобы на больших подъемах соскочить с нарт и побежать вверх, держась за поручень, дабы помочь собакам. Или порой два-три раза в день на пути попадается одинокий олень – обычный, серовато-белый, мохнатый. Псы тут же раздражаются лаем и пытаются сойти с пути для веселой погони. Приходится их осажи-

¹ Другое название лунного камня.

вать криком, на который первым реагирует Тимир, хоть и с огромной неохотой. Его же рыка и короткого грозного лая слушаются и остальные. И Ива ему за это безумно благодарна.

Случались, конечно, и непредвиденные ситуации. Например, в какой-то момент одна из собак странно взвизгнула и пошла как-то кособоко. Девушка не поняла, в чем дело, и скомандовала остановку. Псы послушались и, вывалив языки, уселись на снег. Ива же нашла то животное, которое ее взволновало. Пришлось уговаривать его дать себя осмотреть. Тимир помог и тут: грозно глянул, и пес подчинился.

— Ну как я и думала, — вздохнула чародейка, разглядывая лапу.

Очевидно, пес порезался о наст или лед. Пришлось лечить. Причем и зельем, и магией. Не было у них возможности ждать. Обработала ранку, смазала необходимым составом и призвала силу. В этом месте энергия отзывалась весьма своеобразно, однако немного поартачившись, пришла-таки на помощь. Пес отнесся к синеватому сиянию настороженно, но сильно возмущаться не стал. Скорее всего, и не такое видел. К тому же Тимир по-прежнему сидел рядом, внимательно наблюдал и своим сосредоточенным, спокойным видом внушал всем уверенность. В том числе и в том, что у него все под контролем.

После лечения Ива на всякий случай соорудила из плотной ткани что-то вроде сапожка: все-таки место, где была

ранка, пока еще очень чувствительное, нужно меньше его травмировать.

Второй неприятный случай произошел тем же днем, но чуть попозже. Появился какой-то странный звук вдалеке. Сначала Ива подумала, что ей показалось. Но потом стало очевидно – к ним кто-то приближается. Собаки тоже начали проявлять беспокойство.

«Волки! – сообразила девушка, когда звук повторился. Теперь она вполне уверенно разобрала в нем вой. – Проклятье! Что же делать?!» – запаниковала чародейка. Но псы целенаправленно рвались вперед, внушая уверенность и ей. «Но они не смогут драться в упряжках», – пришла вторая волна опасений. Однако распрячь – какова вероятность, что она сама выживет при таком раскладе?

Злость появилась как-то неожиданно. Что она, в самом деле, ведет себя как заяц какой-то? Сила согрела руки, намертво вцепившиеся в спинку саней.

Ива насколько возможно быстро прикрепила себя специальными ремнями к нартам. Обычно эти ремни не использовались из-за опасности получить травму, если сани перевернутся, но не остановятся. Однако сейчас девушке нужны были свободные руки.

Волки были где-то слева, но видно их еще не было. Ива не стала ждать. В этой ледяной пустыне огонь – самое необычное и неожиданное. Его и призовет. В этот раз сила, как ни странно, даже артачиться не стала, хотя магия огня давалась

в обычной ситуации девушке с наибольшим трудом.

Огненные шары получились небольшие, зато шумные и плюющиеся болезненными искрами. Девушка еще и заложила в них большой запас прочности, чтобы могли преодолеть большое расстояние. Правда, только по прямой. Самонаводящиеся они пока не изучали. А жаль... «Выберусь отсюда, и выучу! Вот чем угодно клянусь – выучу!»

Отправила их просто в сторону, откуда слышался вой. Сначала три. Потом прислушалась к себе. Никакой усталости не ощутила и сделала еще пять шаров – и снова никаких негативных последствий. На девятом вой прекратился. Еще с час Ива ожидала нападения, но очевидно, их решили оставить в покое, что очень обрадовало девушку. Кто знает, что за животные тут обитают. Может, им ее магия на один чих? Огненные шары могли удивить, а не напугать, так ведь? Слава всем богам, что столкновения все же не случилось.

Мысли об имени загадочного оленя постоянно вертелись в голове. «Может, это что-то абстрактное, как выразился бы Златко? Надежда? Нет, Шанс, к примеру? Последний, гоблин побери. Или в стихах? Олень... мишень... лень... ячмень... плетень... сирень... Бред какой-то... Олень-чародей... Еще и луна меж рогов... О, а может, это и есть подсказка?.. Такие рога, что на руны похожи? И луна между ними тоже... Как раз слово выйдет... Выйдет ли? Надо внимательно смотреть!»

Собаки мчались вперед, будто и не было целого дня пути, будто не тащили за собой сани с девушкой. Ива прекрасно понимала, что они тоже устают, но порой казалось, что этим невероятным животным под силу бежать вечно. Может, так и есть?

Светлым небо в этих местах долго не держалось. Но псы к тому моменту, когда темнота касалась земли, не уставали и продолжали все так же нестись, задрав хвосты кверху и изредка лая, будто общаясь или отчитываясь перед вожакom.

Следить за временем Иве оказалось очень сложно. Не понимала она, хоть убей, когда стоит сделать остановку, а когда не позориться своей слабостью перед собаками. Тимир быстро это сообразил и сам решал этот вопрос, просто сначала снижая темп, а потом отказываясь бежать дальше. Впрочем, девушка и не настаивала. Обычно из их компании именно она уставала больше всего. Через какое-то время знахарке все же удалось понять темп – столько-то коротких, столько-то длинных остановок.

Темнота в очередной раз поцеловала лежащий снег, создавая нереальное ощущение, что земля и небо поменялись местами: внизу все белым-бело, наверху – чернильная тьма. Ива уже чувствовала, что скоро придет время ночлега, но против ее ожиданий Тимир гнал упряжку вперед. Девушка какое-то время колебалась, однако потом скомандовала «стоп», но пес, обычно деликатно делающий вид, что слушается ее слов, коротко и зло взвыл. Да так, что знахарка

аж сжалась от решимости, прозвучавшей в этом вое. Как-то вдруг стало жутко. Может, волков учуял? Или какую дрянь похуже?

Собаки тем временем явно ускорились, разве что не летя над ледяной пустыней. Ива вдруг как-то по-особенному остро ощутила сковывающую этот мир тишину. Даже скрип полозьев, снег под лапами зверей, ее собственное дыхание слышались будто издалека, словно сквозь невидимую перегородку, еле пробиваясь через этот морозный плотный воздух. Сейчас девушке казалось, что она одна на всем белом свете. Огромный, просто нереально огромный мир, абсолютно равнодушный к ее жизни и смерти – и над ним такое же невероятно огромное, полное тьмы и снега небо.

И вот этот колдовской бег прекратился. Тимир начал снижать скорость, ему вторили другие псы из стаи. И наконец желанная остановка. Ива с трудом выдохнула и с трудом разжала вцепившиеся в поручень пальцы. Еле ковыляя, прошла вперед, чтобы начать распрягать вожака, однако против ее ожидания тот не дался. Покачал лобастой головой и кивнул куда-то вперед.

Ива обернулась.

И сначала не увидела ничего. Однако потом... их фигуры выступили из падающего с неба снега, соткавшись из него и лунного света. Белые, совершенные очертания на фоне тьмы небес...

Да, спутать их с обычными животными – невозможно.

Будто нарисованные художником в едином цвете и без какого-либо изъяна. Идеальные создания волшебного мира.

Ива не сразу нашла в себе силы дышать дальше – горло перехватило от восторга.

Девушка несколько раз глубоко вдохнула и перевела взгляд на Тимира. Только сейчас она задумалась, нужно ли ей снять упряжь или оставить так. Немного поколебавшись, знахарка потянулась к ремням, но Тимир снова покачал головой. Посмотрел на нее невероятно умными глазами и вдруг, подавшись вперед, лизнул в нос. Ива от неожиданности фыркнула. А пес тем временем прижался лбом к ее лбу и тяжело вздохнул. На глаза почему-то набежали слезы. Девушка обняла зверя за шею, зарываясь в жесткую шерсть.

– Спасибо... – еле двигающимися губами прошептала она. – И хозяйке твоей спасибо. – Отпускать его не хотелось. Отпускать и знать, что уже никогда не увидит снова. – Если... если встретишь Грыма... помоги... – зачем Ива это сказала, она и сама не знала. С чего решила, что имени хватит или ее просьба будет услышана. Просто... больше сделать для друга она ничего не могла. И это убивало.

Сентиментальности Тимира надолго не хватило. Пес быстро выпутался из ее рук и мотнул головой, показывая, что вещи нужно снять с саней. И как только чародейка это сделала, развернул упряжку, и собаки, разразившись прощальным подбадривающим лаем, помчались назад.

Девушке же оставалось только смотреть им вслед. Псы все

быстрее неслись вперед, и в какой-то момент Иве стало казаться, что они исчезают, превращаясь в снежный вихрь, в метель, и именно их голоса она слышит в ее плаче. Может быть, так и было.

Немного поколебавшись, Ива наконец повернулась к оленям. Они тоже глядели туда, где исчезли псы шаманки. Если девушка и заинтересовала их, то виду животные не подали. Она же – не знала, что делать. Печально вздохнув, поправила на плече мешок с вещами и направилась в сторону этих удивительных созданий.

До них еще оставалось не менее двухсот шагов, а Ива уже начала паниковать. Вот подойдет она ближе, а олени как испугаются! Умчатся вдаль, и что тогда? Бежать за ними с воплями «Подождите, мне только прокатиться!»?

И это еще хорошо, если не решат испытать свои рога и копыта. Мало ли сколько там дури под этой сверкающей шкурой? Или ладно, вот дошла она такая, и нужно выбрать. Какой из них с лунной-то меж рогов? Выбрала какого-нибудь – и не того. И куда он ее умчит? Имя еще это клятое... Она ему: «Ты – лунныйгоблинтебяпоберисветэль». А он: «Нет, я – Снежок. А ты дура». И сбежит. Что ей тогда, бегать тут, выкрикивая на все лады: «Снежок! Снежок!»?

«Но ведь это должно быть что-то очевидное, – почти умоляюще подумала она. – Иначе это все было бы бессмысленно. Может, у него рога в форме рун, или на шкуре узор...»

Страхи не отпускали, но Ива медленно шла к оленям. Ноги и руки после долгой неудобное езды стоя устали невероятно. И, откровенно говоря, она предпочла бы отдохнуть, а не решать загадки, больше подходящие Златко. Девушка даже не подозревала, что тот тоже предпочел бы поменяться с ней приключениями. Однако что делать, если судьба распорядилась именно так?

Олени подняли головы и синхронно посмотрели на девушку, только когда она подошла на расстояние шагов в пятьдесят. До этого они просто паслись на голубоватом снегу, будто на обычном лугу. «Интересно, есть ли у них враги в этом странном мире? Те же волки, которых я так и не увидела? И слава богам!» Иву же опасной звери явно не считали. Да и как считать: любой из них был выше ее в холке. Или по крайней мере так казалось из-за рогов, которые имелись у каждого животного. Только у самцов куда более ветвистые, мощные и высокие.

Ива замерла под взглядами оленей.

Ей казалось – все замерло. Точенные силуэты прекрасных животных, луна в синем небе, даже ледяной ветер – все остановилось. И только мелкий, еле ощутимый снег все сыпался и сыпался.

В этом миге было больше волшебства, чем во всем магическом ниверситете.

А потом стадо будто всколыхнулось. Олени расступались,

пропуская кого-то вперед.

Он был поистине величественен. Массивнее остальных, с огромными, ветвистыми, высокими рогами, он шел вперед и казался чем-то несокрушимым, вечным. Ива, ошарашенная и потрясенная, молча наблюдала за его приближением. И в момент, когда он склонил голову, чтобы рассмотреть знахарку, рога расчертили перед взглядом девушки полнеба. И ровно между ними оказалась луна.

«Ищи того, у кого будет луна меж рогов... Ты поймешь».

Да, теперь Ива понимала.

«Когда узнаешь его, позови по имени».

Величественный олень спокойно и даже почти доброжелательно смотрел на девушку. Сейчас, как никогда знахарка ощущала, что должна позвать его по имени. Другого шанса у нее не будет. Именно этого он ждет.

Но как его зовут?

По-прежнему замороженная, Ива смотрела на прекрасного оленя и думала, что имя у него должно быть какое-то очень красивое. Иначе никак. Но откуда ей его знать? Шаманка отказалась его называть. А кого тут еще спросишь? Не у собак же. И не у других оленей. А больше тут и нет никого. «Так, тут больше нет никого. Откуда тогда у оленя имя? Вряд ли здесь много людей и прочих эльфов шляется. А Алалыйхана не стала бы называть его. Имя – это что-то сакральное, что может все изменить. Перестав быть человеком, она не взяла бы на себя такую ответственность. Но люди

легко дают имена... Может ли человек дать имя волшебному оленю с луной меж рогами? Просто придумать его... Можно ли так? Придумать, как Златко придумал имя Васильку, а Владигор – Шапе... – Ива колебалась. – По крайней мере это шанс. Других идей у меня все равно нет».

– Я-я, – дрожащим голосом начала девушка. Олень еще больше заинтересовался, – называю... тебя... Ясень.

Дерево, связывающее два мира – мир живых и мир... других – уже ушедших, еще не рожденных. Говорили, что некоторые ясени не просто проводники между этими двумя пластами вселенной, но и растут сразу в двух мирах. Тетушка учила, что талисманы из могучего ясеня наделяют носителя смелостью, умом и способностью идти до конца: дерево истинного предназначения благоволит людям, горящим мечтой или сумасшедшей целью. А ведь сейчас это как раз про нее, Иву: цель сумасшедшее некуда. Пусть же он станет ее защитником, проводником и оберегом.

И вновь ощущение, что мир замер. Застыл, пока жрицы судьбы вытаскивали новые руны.

– Ясень, – наконец собрала силу воли в кулак Ива, – отвезешь меня?

Какое-то время свежеименованный олень раздумывал, однако потом, к безумному облегчению девушки, согласно наклонил голову. Знахарка шумно выдохнула. Неужели она все правильно сделала?

От этого звука и все остальное пришло в движение. Олени зашевелились, кто-то из них даже подошел ближе. Ясень же просто стоял и с любопытством разглядывал девушку. Ива не сразу сообразила, что так заинтересовало животных. На почти одинаковых мордах подошедших животных застыло интереснейшее выражение, которое травница интерпретировала как предвкушение забавнейшего зрелища. Еще бы! Ведь теперь предстояло забраться на этого лося, в смысле высокого оленя, и... как-то там удержаться. А у него брюхо начинается на уровне ее головы!

Позориться не хотелось. Даже если она неверно приписала оленям подобные мысли. Пришлось воспользоваться магией. Самое логичное – это левитация, но ее девушка пока не освоила в должной мере. Лучше дела шли с поднятием предметов. Но представить себя как предмет – невероятно сложно. Одежда же такой нагрузки может и не выдержать. Многие сокурсники в таких случаях клали меч на землю, вставляли на него и поднимали уже его. Лучше, конечно, что-то побольше, но оружие всегда под рукой. Самое сложное в данной ситуации – держать равновесие. У эльфов и иже с ними проблем с этим не возникало. А вот люди качались как деревья на ветру. Приходилось держать себя той же магией, что, увы, удавалось не всем. В любом случае Ива не носила меча, ей и Дрейко хватало.

Поэтому с невозмутимым достоинством, подсмотренным у Калли, знахарка начала растить перед собой ступеньки из

плотно спрессованного снега. Уж этого-то материала здесь хватало. Олень с интересом наблюдал за поднимающимся сооружением. Когда ступенек стало три, Ива царственно поставила ногу на первую. Стоило чародейке дойти до последней, олень невозмутимо отступил в сторону.

Его сородичи зафыркали так, что не осталось сомнений – будь они людьми, уже хохотали бы до колик.

– Очень смешно, – скривилась Ива, глядя на этого шутника. Тот тоже фыркнул, но все же смиростивился и вернулся на прежнее место. К немалому облегчению знахарки.

Никакой упряжи, седла и стремян, разумеется, не было. При мощном телосложении оленя даже обнять его за шею оказалось сложно. Ива не представляла, как удержится на этом звере.

Он же сделал первый шаг, потом второй, будто привыкая к ноше. Девушка понимала, что не слишком тяжела для него. Просто, наверное, необычно. Сама она тоже примеривалась. Если свалится – это будет просто позорище. Не говоря уже о том, что этак и убиться можно.

Олень пошел вперед, все ускоряя шаг, а Ива поняла, что ее будто приклеило к его спине. Нет, никакой скованности или паралича она не ощущала, но что-то удерживало от падения. Девушка не стала рисковать и постаралась еще и сама держаться. Как уж получалось. Неровный, неудобный сначала ход оленя выровнялся. И они помчались.

Знахарка ощущала под собой движение мышц животного, но все равно возникало странное впечатление, что она летит на ветре. Совсем иное впечатление, чем при галопе на коне. «Тряски нет», – через какое-то время сообразила девушка. Она посмотрела вниз. Ей кажется или олень действительно не касается земли? Или это из-за снега и ночи создается такое ощущение?

Ива огляделась. Сначала она не решалась это сделать, поглощенная вопросами куда более практичными. Но сейчас... они неслись между небом и землей. Причем казалось, что мир перевернулся – белое внизу, темное наверху, а между ними мчится олень с крошечной всадницей, замотанной в меха.

Грыму казалось, что он идет уже вечность. И всю эту вечность поглотила ночь и зима. Умом он понимал, что прошла всего пара-тройка дней, а это вовсе не зима, а такие холодные места. И темнеет здесь рано. Однако несмотря на все доводы разума, настроение все окрашивало в черные холодные цвета.

Разнообразие вносил только камень-амулет. Иногда тролль касался его, чувствовал, что тот с каждым разом становится все теплее, и от этого в сердце появлялась какая-то странная, мрачная удовлетворенность. Он дойдет и расколошматит этот гоблинский камень на множество мелких осколков. Нет, в пыль сотрет! В порошок! Чтобы ничего

от этой дряни не осталось! Просто в пыль! И пойдет искать Иву. В конце концов должно же отсутствие камня как-то повлиять на всех этих гадов вокруг!

«Гадов», как мысленно называл их Грым, оказалось на редкость много. Группы – как большие, так и маленькие – он старался обходить. Хотя с его нынешним настроением не нарываться оказалось очень сложно. Одиночки, пары и тройки, попадавшиеся ему на пути, не имели шансов. И если сначала они принимали тролля за легкую добычу, то быстро убеждались в своей неправоте. Правда, и юноша понял, что с таким отношением погубит себя раньше, чем дойдет до камня.

Твари встречались все больше ему неизвестные. И если чтобы справиться с одними, достаточно было магии или клинка, то с некоторыми подобный фокус не проходил. Иных не брало колдовство. Другие имели слишком толстую шкуру. Попадались и такие, сквозь которых меч проходил, не причиняя вреда. Нужных же заклинаний в арсенале не находилось. Пару раз выручал амулет мастера Теобальда. Вот в последний такой случай Грым и пообещал себе стать осторожнее. Если он сгинет в этой бесконечной ледяной пустыне, Иве это не поможет.

«Не уберег», – эта мысль гнала его вперед, заставляя выкладываться полностью, подгоняла, когда силы кончались. А такое случалось все чаще. Эта земля будто высасывала их, забирая энергию. Не хотелось ни есть, ни пить, хотелось лишь спать и не двигаться. Грым шел вперед только на си-

ле воле и упрямстве. Ел и пил, потому что понимал, что подобное нежелание – обманка этих злых мест. Еще юноша заметил, что магия здесь отзывалась с трудом, а заклинания периодически сбоили. Мастер Теобальд предупреждал, что такое может произойти, но раньше похожих сложностей не возникало, теперь же – вот, появились.

Приходилось вырывать из себя и мира магию с куда большим усилием, и Грым мрачно думал, что, если бы в ниверситете ему пришлось бы заниматься с таким же напряжением, он давно бы его бросил. Теперь казались смешными его вечное непонимание необходимых медитаций, сложности работы с энергиями, нежелание зубрить схемы и теорию заклинаний. Знал бы – вообще не вставал бы из-за учебников! Всё пригодилось. Даже то, что ему казалось, он и не вспомнит. Все стало как-то кристально ясно. Разложилось в голове по полочкам. И раньше непонятные пассажи преподавателей вроде: «Против монстров четвертого и пятого уровня опасности лучше всего применять защиту того же уровня плюс один, а атаку – противоположной стихийной направленности». Или вот еще: «Против незнакомой твари используйте прежде всего диагностические заклинания Света и каждой из стихий. На какуюотреагирует, такой и бейте, повысив до соответствующего уровня». Ну реально – чего он не мог понять? Все же ясно как гоблинские хотелки. Нападают монстры – накидывай «щиты» уровнем выше, чтобы с гарантией не пробили. Если тварь ледяная – колдуй огонь.

Если нежить – вызывай Жизнь. Правда, с Воздухом и Землей все не так просто, но решение всегда находилось. Что же касается диагностических заклинаний, то это вообще ерунда. Сначала нужно использовать какие-нибудь простейшие удары каждой из стихий. На что-нибудь да поморщится. Потом этой силой и бить. Просто и понятно. Раньше как он делал – пытался определить, что за зверь такой, найти его в списке классификации и использовать правильное заклинание. Теперь все проще – сначала ряд ударов магией. Внимательно смотреть, что для противника неприятно, и просто использовать максимально сильное заклинание соответствующей стихии. Ну а если не сработало... тогда уж и думай, что делать. Как показала практика, работало в восьми случаях из десяти.

Но Грым чувствовал, что устал. Такого с ним давно не случалось. Он привык, что тело всегда полно сил, энергии, жизни. Даже если что-то болело, он просто это игнорировал. Сейчас так не получалось. Несколько раз его задели, и эти раны, пусть и не страшные, совершенно не хотели заживать. Возможно, дело в том, что он постоянно их тревожил – то шел, то сражался. Но троллю казалось, что эта земля просто не хочет носить его на себе, избавляется всеми силами.

Однако он шел вперед. На упрямстве, на силе воле, на мысли, что друзьям нужна помощь и что он не может их подвести. Вокруг выла зима, стонал ветер, и мороз пробирал до костей. Порой казалось, что конца и края этой ледяной тьме

не будет. И завершения этому путешествию тоже. Он будет идти, и идти, и идти. Пока медленно исчезающие силы не подведут или какой-нибудь монстр не окажется удачливее. Или пока однажды не заснет, чтобы больше не проснуться. Никогда еще Грыму не было так отвратно. Разное с ним случилось – и раны, и плен, и голод, но эти земли будто выворачивали душу, подтачивали ее сомнениями, страхами, постоянным напряжением, темнотой этой бесконечной! Но выхода не было. Он не отступится.

Да и амулет все теплее...

Ива прижималась лицом к морде белоснежного оленя. Он честно вез ее свою часть пути и остановился только у темного озера, больше похожего на море. Здоровенные куски льда плавали в этой страшной, холодной воде, но она не сдавалась – плескалась в снежные берега и совершенно не хотела полностью замерзнуть.

Нужно было прощаться, но девушке отчаянно не хотелось расставаться с чудом. И Ясень, периодически что-то пофыркивая, терпеливо ждал, когда она сможет взять себя в руки. Дрожа, чародейка прошептала слова благодарности и той же просьбы, которую адресовала Тимиру – помочь Грыму. Но так же не поняла, приняли ли ее.

Разумеется, в конце концов Иве пришлось отстраниться и отпустить оленя. Он проникновенно посмотрел на нее напоследок и, величественно развернувшись, помчался обрат-

но к своим сородичам. И луна все так же сверкала меж его рогов.

«Как такое вообще в принципе возможно?» – рассеянно подумала Ива и наконец-то направилась к озеру.

Темная вода пугала. Она яростно билась в берег, поднимая волны в локоть высотой. И они казались знахарке осколками каменных глыб. Упадешь в такую – поминай как звали. И это будет страшная смерть. Ива себе такой не хотела. Но разве у нее имелась возможность повернуть назад?

Ни малейшей.

И все же требовалась решимость, чтобы двинуться дальше. Ива смотрела вперед, стараясь впитать в себя этот миг, проникнуться им. Умение по-особому ощущать мир, понимать его истинные потребности – главное умение ведуний. До него знахарке еще расти и расти. Тетя говорила, что нужно особое состояние. Что-то вроде медитации, но немного отличающееся от нее. Однако Иве редко удавалось его поймать. Вот и сейчас она никак не могла успокоиться. Что-то тревожило ее. Какое-то подспудное волнение, даже страх. Вроде бы и понятно, откуда он... Только что-то в нем чудилось неправильное, не такое как обычно.

И еще... взгляд. Ощущение чьего-то взгляда.

Ива резко повернулась. От движения капюшон слетел с головы, и волосы, оказывается давно выбившиеся из косы, рванулись на свободу. Но девушка этого даже не заметила.

Она смотрела прямо перед собой, но видела не снег и темное небо, а зеленый берег, туман и блеск на золотых волосах.

– Златко?

Где-то там далеко качали ветвями прекрасные ивы, и именно они шептали девушке об опасности. В полнейшей тишине она слышала тревожный звон колокольчиков, он предупреждал...

– Златко!

Она не знала, в чем опасность, сможет ли друг ее услышать, реально ли все это, но не могла молчать. «Боги, я не могу потерять еще и его! Ивы, миленькие, родные мои, тезки мои ненаглядные, защитите его! Не дайте сгинуть! Прошу вас! Умоляю!»

Услышали ли ее?

Ива отчаянно надеялась, что да.

Лодка нашлась чуть дальше. Небольшая и очень непривычного для Ивы вида: на каркас из дерева и костей была натянута большая, толстая шкура, сшитая жилами или чем-то похожим. Выглядело это жутковато, а уж при мысли о том, что туда нужно сесть, пробирала дрожь.

«Шкура же намокает... – отчаянно подумала знахарка. – Даже если ее прокоптили и жиром смазали, как тут... И кстати, кто это сделал?»

Девушка повертела головой, но никого не увидела. И снова задалась вопросом, может ли остановиться. Ответ очеви-

ден.

Пришлось забираться в это неустойчивое сооружение тем же уже испытанным способом – нарастив лед над ним. К счастью, лодка не повторила маневра оленя. Возможно, потому что ее держала веревка и вбитый колышек. Ива снова повертела головой, но хозяина по-прежнему не обнаружила.

Грести оказалось на редкость тяжело. Темные воды озера сопротивлялись любым усилиям девушки. Волны качали лодку, бросали из стороны в сторону, снося куда-то, куда только им ведомо. Пришлось колдовать. Магия отзывалась неохотно. Возможно, девушка просто очень устала. Но, скорее всего, она оказалась в месте, которое не принимало ее колдовство.

Возник еще один вопрос – куда дальше? До этого ее везли – собаки ли, олень. Сейчас нужно было выбирать направление самой. Впрочем, Ива как-то вдруг поняла, что нужно просто плыть. И если будет совсем уж сильно ошибаться, она это почувствует. Так и решила поступить. Иных идей все равно не было.

Он появился совершенно бесшумно. Этот странный зверь, похожий на тигра с длинной собачьей головой и витыми синими рогами. Они странно светились и даже издали казались переполненными магией.

«Еще один», – безнадежно подумал Грым.

Последние несколько часов дались ему непросто. Разные

монстры то и дело оказывались у него на пути. Некоторым удалось добраться до него и ранить. Некоторых сжигала магия на расстоянии. Но силы почти не осталось. Здесь она куда хуже восстанавливалась, а амулеты-накопители иссякли. Зато камень почти уже обжигал. Значит, его цель совсем-совсем близко.

– Шел бы ты отсюда, – пробормотал тролль противнику.

Усталость и раны брали свое. Но он не позволит какой-то синерогой твари остановить его у самого финиша.

Зверь явно имел на этот счет свое мнение. Он рванулся к Грыму со скоростью просто невероятной. Но наткнулся на выставленный в шаг от тролля «щит». Как будто удивился, застыл. Грым усмехнулся и поднял свой огромный меч. Монстр в ответ оскалился и вдруг как-то странно сжался. А через миг оказался позади чародея, мгновенно вновь увеличившись в размерах. От взмаха его задней лапы здоровенный тролль покатился кубарем по снегу. Синерогий же развернулся и бросился к нему. Его встретили «каменные молоты», спрессованные с реальным льдом «снежки» и несколько самых настоящих молний.

Нагнув голову, зверь тем не менее шел вперед. Магия била по нему, но притягивалась к витым рогам, делая их все ярче. И хотя происходящее явно не доставляло ему удовольствия, он тем не менее не отступал.

– Да сдохни уже! – прорычал тролль, швырнув в зверя сплав из заледеневшей земли и магии. Силу вновь притяну-

ло к рогам, а вот осколки камней разлетелись в разные стороны, в том числе попали на морду твари и главное – ей в глаза. Монстр взвыл. Грым же, пользуясь ситуацией, подскочил ближе и рубанул мечом.

И в тот же миг отлетел на несколько шагов, больно приложившись спиной о землю. Это с синих рогов сорвалась накопленная волна силы и ударила в противника. Грым даже захрипеть не успел, как над ним нависла оскаленная морда. Раззявив пасть, монстр впился в шею тролля.

Вернее, почти впился. Совсем немного не хватило, когда в тварь что-то ударилось, и она слетела с тролля, будто была обычной дворовой шавкой.

Грым не верил своим глазам. Над ним стоял огромный, абсолютно белый олень со сверкающими ветвистыми рогами. Ничтоже сумняшеся он переступил через тролля и пошел вперед, наклоняя голову. Его противник вскочил на лапы и зашипел. Ответом ему был странный горловой то ли вой, то ли рык с отчетливой угрожающей интонацией. Чародею даже показалось, что эти двое говорили. Монстр попытался зарычать в ответ, но его оборвали тем же жутким звуком. И, как это ни странно, хищник сдался. Шипя, будто ругаясь и огрызаясь, он попятился, кинул злой взгляд на Грыма, покосился на оленя, но ушел. Не особо торопясь и периодически оборачиваясь. Неожиданный же защитник стоял в угрожающей позе, пока тварь не скрылась из виду.

Троль за это время сумел, хоть и с трудом, подняться. На-

конец олень обернулся, посмотрел на Грыма... и тоже ушел. Просто сделал несколько шагов вперед и будто растворился в пространстве. Чародей же долго смотрел в то место, где олень исчез. Ему показалось или нет, что луна, которая до этого светила совсем в другой стороне, на какое-то мгновение мелькнула меж его рогов?

И снова вперед.

«Если выживу, никогда больше на север не поеду. Никакого снега. Гоблин, в Стонхэрме тоже зимой снег... Тогда, как закончу, буду где угодно служить, главное, чтобы этого гоблинского снега было как можно меньше. В идеале не было совсем!» Дальше Грым задумался о том, где есть на свете такие места. Вспомнил острова и «паршивца ушастого», что греет сейчас там свои бока. Подобные мысли... отвлекали. От усталости – выспаться нормально ему давно не удавалось, от ран – те болели все сильнее, от тихого, раньше незнакомого ему отчаяния – не уберег их милую девочку, не спас, не защитил. На север должна была идти ведунья. А она не дошла. И камень-амулет больше не с ней. Так неужели все это зря?

А если вообще все зря?

И все-таки он дошел. Камешек на шее теперь почти обжигал. Грым остановился и присмотрелся. Казалось, место ничем не отличается от всего остального пространства. Тролль

пошел дальше, но амулет буквально тянул его обратно. В конце концов тролль додумался перейти на магическое зрение. И сразу стало ясно – он действительно дошел.

Площадка шагов на тридцать диаметром, казалось, сплошь состоит из энергии. Грым никогда не видел, чтобы столько силовых каналов подходило к одному месту. Будто он оказался внутри громадного артефакта, в самом его сердце.

Все линии сходились в одном месте. Вот только...

...Камня не было.

Тролль подошел ближе. От энергии неприятно зудела кожа, и становилось ясно – долго тут нельзя находиться. Грым и рад был бы уйти. Но сначала нужно разрушить камень.

Которого нет.

Юноша снял с шеи амулет. Его тянуло к сосредоточию энергии, месту, где линии сходились в одну точку. В пустоте. Чародей вернул кулон на шею и прошелся вокруг. Обычный снег. Ничего даже близко похожего на камень. Тогда парень опустился на колени и попытался добраться до земли. Амулет тянуло вверх, но не проверить Грым не мог. С некоторым трудом он таки докопался до почвы, но это была... просто земля. Застывшая, твердая, но не камень. Тролль и магией это чувствовал.

Погрев руки – хоть в перчатках, но им все равно было холодно, юноша еще раз прошелся по кругу. Вытащил меч, примерился, проверил «щиты», на случай если ударит отда-

чей, и рубанул ровно по точке, где сходились силовые линии. Клинок прошел сквозь энергию, полностью погрузился в нее и ударился в расчищенную землю. Магия даже не дернулась. Если бы удалось разрушить или хотя бы коснуться камня, эффект должен был быть другим.

Грым подумал еще. Протянул руку вперед, отчаянно боясь, что может ее лишиться. Однорукий тролль, брр, жуть какая... Однако ладонь спокойно коснулась точки, куда так стремился амулет, и опять ничего не произошло. Только кожу стало жечь сильнее. Юноша отдернул руку, оглядел ее, покачал головой и снова задумался.

Ему очень не хотелось этого делать, но пришлось воспользоваться магией. «Ледяное копье», «Каменный кулак», «Светоч» и многие другие – проходили через средоточие силы, искажались, разумеется, но, судя по всему, ничего не меняли.

Последней идеей тролля стал амулет, поднесенный к месту, где должен был быть камень и где его не было. Артефакт наконец-то перестал дрожать и дергаться, но это тоже ни к чему не привело.

Неужели все зря?

Может, камень способна увидеть только ведунья? Поэтому нужна была Ива? Не для того, чтобы правильно общаться с хозяевами Нум-га, а чтобы почувствовать камень? Суметь на него воздействовать? А он даже не видит его... Неужели вся эта дорога, драки, стычки, смерть Бьёра, Сула, Лас-

ко, других ребят... и, возможно, даже его родной Ивушки... неужели все это было зря?

Бесконечная дорога, кровающие раны, новые и новые монстры на пути, холод, от которого не помогал даже огонь, темнота и усталость, страх за подругу и горечь сожаления... это тоже зря?

Не сберег... все поэтому. Он ее не сберег, поэтому теперь действительно все зря...

Грести оказалось очень тяжело. Очень. Волны, подальше от берега вроде бы не такие уж и высокие, на деле сильно качали лодку, сносили ее в сторону. Вода будто сопротивлялась веслам. Да и магии тоже. Иве приходилось прикладывать невероятные усилия, чтобы двигаться в нужном направлении. Хуже всего – то, что не передохнуть. Стоило остановиться, как ее относило или вбок, или вообще назад.

Девушка даже решилась выпить магическое стимулирующее зелье, которое дал каждому из их пятерки мастер Теобальд, наказав использовать только в самом крайнем случае. Ива была с ним абсолютно согласна – очень действенное и очень опасное. Но иных вариантов не было. Зато дело сразу пошло на лад.

Темная вода пугала. Она казалась голодной, злой, бесконечно опасной. Другой воды знахарка коснулась бы, попыталась успокоить, однако не этой. Девушка ясно видела – тут ей не рады и любое вмешательство воспримут как вызов. Сей-

час, несмотря на волны в локоть высотой, озеро не бушевало. Если же оно решит разозлиться, то сожрет утлую лодчонку в одно мгновение. Поэтому Ива гребла и надеялась просто побыстрее увидеть нужный берег.

Но тот все не показывался.

В какой-то момент стало все равно. Возникло ощущение нереальности всего происходящего. Все вокруг настолько отличалось от ее привычного мира, что больше походило на плохой сон, тяжелый горячечный бред. Даже холодные брызги и ледяной ветер не могли вырвать девушку из этого странного состояния. Ива смотрела на чернильное небо над головой, темную воду вокруг, себя саму, болтающуюся между ними, и думала: «Я на краю мира. Самая настоящая *грань*... Как же жутко... Как нереально».

Берег сначала казался миражом, игрой усталого сознания или льдинкой на заиндеветших ресницах. Однако постепенно он приближался, становился виднее, четче. Это придало сил.

Правда, Ива столкнулась с тем, что у самой кромки волны намного превосходили те, что качали ее лодку на глубине. Тут уж девушка не выдержала: в ход пошла магия, весьма грубая, жрущая много энергии, зато быстро притянувшая ее к ледяному берегу. И взбираться по нему тоже пришлось, тратя колдовские ресурсы.

Когда Ива наконец выбралась на твердую землю, то уже

еле стояла на ногах. Вернее, совсем не стояла: пришлось сесть, чтобы хоть как-то прийти в себя. Последний рывок дался чародейке с огромным трудом. Но даже посидеть спокойно не удалось: слишком тяжелая тут оказалась атмосфера. Казалось, вместо воздуха здесь магия. Однако она не насыщала волшебницу, нет, энергия целенаправленно стремилась куда-то, чуждая и неприятная. И при этом так и норовила забрать те крохи сил, которые еще оставались у девушки.

Ива быстро поняла, что промедление не восстанавливает ее, а наоборот, истощает, и поднялась на ноги. С огромным трудом и массой нелестных эпитетов для всего происходящего, не озвученных только из-за усталости.

Девушка шла туда, куда так настойчиво стремились энергетические линии. И наконец-то дошла.

Это действительно оказался камень. Обычный здоровенный булыжник серо-бурого цвета, на который даже снег не ложился. Если не видеть магию, то только это и могло показаться странным.

Ива обошла камень по кругу.

Возникал закономерный вопрос...

И что с ним делать?! Кирки-то она с собой не взяла.

В какой-то момент Ивой вдруг овладела такая ярость! Это из-за этой проклятой каменюки столько мучений?! Рука сама схватилась за кинжал. Самый обычный, подаренный по случаю Грымом. Грымом... который сейчас неизвестно

где, выжил ли. Один удар, второй. Просто чтобы выплеснуть свою ярость, гнев, злость на все, что произошло, на то, как это произошло, на то, что она снова одна, что устала, измучилась, на свой страх, на выкручивающие душу переживания, на все это и много сотен разных причин, от которых уже хочется выть.

Ива била и била по камню, а проклятая каменюка, казалось, только радуется этому, вытягивает из девушки все силы, все эмоции, насыщается ими, а знахарка все слабеет и слабеет. Но чародейка не собиралась останавливаться. Нет, она будет бить эту дрянь, пока рука поднимается. Магией тут точно не получится – камень просто высасывал ее.

В какой-то момент Иве показалось, что все зря. Что у нее не получится разрушить этот булыжник, который веками впитывал в себя злобу и ненависть этого мира, который напился ими по самые края и переродился во что-то страшное. Что может противопоставить этакой дряни обычная человеческая девчонка? Тут и отряда силачей не хватит. Но отряда нет, есть только недоучившаяся магичка, которая очень не хочет умирать. У которой есть друзья. И им тоже нужна ее помощь. И есть тетушка, которой еще жить и жить. И нельзя остановиться. Просто потому, что нельзя.

И она не остановилась. Не смогла. И камень поддался. Одна трещинка, другая... Девушка не верила самой себе, но это действительно происходило. Она била, била и била. И сама не осознавала, что будто молитву повторяет имена друзей, и

каждое из них дает ей силу.

На очередном ударе камень начал светиться, словно внутри него жил огонь. Рыже-алый. Он прорывался в трещинки, изнутри помогая ломать камень. У Ивы заслезились глаза от яркости сияния. Приходилось щуриться, отворачиваться. Пока вдруг по глыбе не пошла странная дрожь. Магия взволновалась вокруг. И девушка замерла, вдруг особенно остро ощутив сейчас свою незащищенность. Казалось, дрожит не только камень, но и энергия. Да что там, весь мир трясется... И рвется. Рвется?

Ива почувствовала, как ее куда-то затягивает – как в водоворот или портал. Она хотела как-то этому воспротивиться. Ей же еще нужно добить камень. Но тот буквально на глазах начал разваливаться на куски. И чародейка ужаснулась. Теперь она была готова на любую телепортацию – куда угодно, лишь бы подальше отсюда.

Ее действительно затягивало в это ослепительное сияние, будто вышвыривало отсюда. Хотелось выть от ужаса, а время издевательски замедлилось. И весь этот кошмар, казалось, длится вечность. Мысли одна сменяла другую просто с бешеной скоростью: «Выживу!» – «Умру!» – «Выживу!» – «Умру!» – «Выживу!» – «Умру!»

Пока она наконец не рухнула куда-то, больно ударившись всем правым боком.

Вокруг белым-бело. Где она?

– Ива? – недоверчиво спросили голосом Грыма откуда-то

сверху.

Через мгновение она оказалась сграбастана медвежьей хваткой и прижата к могучей груди. И еще через миг чуть ли не погребена под этой тушей, когда что-то в мире дрогнуло.

«Похоже, каменюка таки развалилась», – подумала Ива, ощущая, что их снова куда-то затягивает.

Часть вторая

Город, которого нет

Оставайся, мальчик, с нами – будешь нашим королём!

М/ф «В синем море, в белой пене...»

Пересекал Златко крутобокий мостик через Калину со странным чувством облегчения и недовольства одновременно. Вроде бы нигде не провинился и даже помог, а все одно – не довел дело до конца. Впрочем, во время этого путешествия такое с ним случалось на диво регулярно. Что тогда с двумя трактирами, что в Синеморе... Как дальше-то будет?

То, что Калина его отпустила, юноша понял быстро: под копытами Василька появилась мощеная дорога. Златко пристально рассматривал ее, но так и не понял, к какому времени она принадлежит. Он неплохо разбирался в архитектуре, знал характерные особенности строительства мостовых в том числе. Здесь же... вроде и не новодел, однако и древней не назовешь. Но кто бы прокладывал такую красоту в подобной глуши?

Смотрел Златко на эту дорогу, и все больше она ему нравилась. И земли вокруг тоже нравились. Поля да луга, вдалеке лес виднеется, а по другую сторону то и дело река поблескивает. В таких местах и пшеница, и рожь, и овес, и прочее

полезное легко в рост пойдет. И избы поставить есть где, и скот пасти. По грибы да ягоды – в бор. Там и поохотиться можно. Да и рыба наверняка в местных водах водится. Чудесные земли, что и говорить. Странно, что не заселены. Хотя... он же, похоже, не в родном мире, а где-то... между, или как иначе понять то, что ему Синебор наговорил.

Может, тут и людей-то нет. Хотя... откуда же тогда дорога?

Правда, на той дороге ему никто не встретился. Не оказалось по пути и деревень, или хотя бы полей распаханых.

Дальше – больше. На пути юноши вырос город. Нет, он не появился вдруг. Златко издалека увидел высокие стены. Обрадовался им. Хотя и опасался немного. Сможет ли проехать? Есть ли плата за въезд? И если да, то подойдут ли его монеты? Люди там или нелюди?

Но оказалось, не о том переживал. Стены города поднимались высоко, ворота казались крепкими, такие не всякий таран возьмет. Да только распахнуты они были во всю ширь. И не стояли стражники рядом с ними – не для порядка, так для красоты. Никто не собирал плату за въезд. И по стене воины не ходили. Не тянулись груженные повозки внутрь, не спешили уставшие гонцы на сменных лошадях, не врывались в город с гиканьем и смехом лихие молодые дворяне. Только один Златко въезжал в этот странный город. Оглядывался, хмурил брови, но все же подчинился почти обжигающему амулету.

После ворот почти сразу шли ладные каменные дома с черепичными крышами. Ни одной деревянной или тем паче соломённой. Сами улицы вымощены. Причем хорошо, добротно – булыжники не крутобокие, а сверху гладенькие, крепко прижатые друг к другу. По таким даже девичьим ножкам в туфлях с тонкими каблучками пройти не сложно будет. Только вот нет тут девиц на каблучках. И без них тоже нет. Вообще никого нет.

Пустой город.

Заброшенным, кстати, тоже не выглядит. Нет в нем запустения или даже грязи. Не проросли меж камней травинки, не скопился по углам мусор.

Златко принялся активно вертеть головой. Хотел высмотреть какие-нибудь признаки жителей, но постоянно отвлекался. То на высокую башню, то на какое-нибудь пафосное здание, то на разноцветные домики, то на забавные флигели. Город явно принадлежал к Срединным землям, очень походил на Златославу, но и оригинальных элементов здесь хватало.

«Чудесное место», – думал Златко, любясь местной архитектурой. Василек неспешно трусил по мощеной мостовой и явно ни о чем не переживал. Его же хозяин задавался вопросом «А где все?» Вот, например, здание с большой витриной, явно под магазин. А наверху или склад, или, что вероятней, комнаты хозяина. Но ничего не выставлено за стеклом. Вывеска есть, а надписи на ней нет. А дальше явно трактир. Но

опять же – пустой. Да и жилые дома – ни единой занавески или цветочка. Будто кто-то всемогущий подготовил все для людей, но их самих еще не заселил. Так, конечно, не бывает, только как тогда объяснить отсутствие хоть какой-нибудь жизни при том, что сам-то город есть. Стонхэрм, его человеческое воплощение, как-то объяснил, что город – это не камни, не стены, это что-то большее. Люди, их интересы, вкусы, истории их жизней, мечтания, вера. Они все вместе создают атмосферу города. И каждый новый человек проникается ею и дополняет своими делами и желаниями. Или меняет ее под себя. Тут уж как выйдет.

Этот же город пока... будто заготовка. Но эти улочки молили о живых. Златко казалось, что он буквально слышит их тоску – по деловито снующим прохожим, по прогуливающимся нарядным барышням, по шумным стайкам детей, по колесам карет и телег, по звонкому цокоту копыт летящих всадников. Домам не хватает уюта – мебели, постелей, занавесок и горшков с цветами на окнах, множества мелочей, которые придают четырем стенам индивидуальность. Площадям хотелось разноцветных говорливых ярмарок, уличных представлений, бравурной музыки парадов. Город ждал своих жителей. Нуждался в них. Звал.

Златко чувствовал это, но не понимал. Разве так бывает? Город обычно начинается с маленькой деревни на перекрестье дорог, или у реки, или у замка, или еще где. Она растет, ширится и однажды действительно становится горо-

дом. Бывало, грады строили по указу властителя. Но никогда полностью. Несколько домов для службы и служивых людей. Остальные приедут и сами для себя построят.

Станный, странный город.

Юноша вдруг подумал: а если жители были, да случилась какая беда, нападение или болезнь? Стало страшно. Он огляделся и покачал головой. Не может быть такого, чтобы весь город увели в полон и никто не сопротивлялся. Никаких разрушений тоже не видно. Даже ворота такие, будто в них и не стучали ни разу. А вот болезнь... И в том, и в другом случае были бы тела. Если же кто-то их прибрал, то кто? Неужели нашлись люди, которые вычистили город и убрались откуда пришли? Испугались чего-нибудь, но работу свою не остановили. Может, и бывает такое, но что-то Златко не верилось в подобное.

Да и не выглядел город пережившим эпидемию. Где закрытые окна, где знаки, сообщающие, что здесь есть больные? Но самое главное – атмосфера. Юноша смотрел на магию. Это только кажется, что сила везде течет одинаково. В местах, переживших большую трагедию, энергия будто застревает, искажается, искривляется. Появляется у нее какой-то привкус, словно горчить начинает. Проходя по другим землям, постепенно выпрямляется, но не сразу, долго еще видятся эти изменения. Здесь же нет такого. Чистый, светлый город.

Без людей.

Златко вдруг понял, что при всей его любви к архитектуре город без жизни ему не интересен. Да, можно полюбоваться на здания, но это быстро надоедает. Он неожиданно подумал, как хорошо было бы проехаться по рынку, порыться на прилавках в поисках каких-нибудь мелочей для себя и друзей, может, даже пирожок по случаю прикупить. Или посидеть перед таверной за столиком с клетчатой скатертью и...

– Доброго утречка, господин Бэррин!

Юноша дернулся и огляделся. Мимо шел солидный такой господин, купец или мастер, и шляпу этак приветственно приподнял. Все бы ничего, да только сквозь него просвечивала стена соседнего дома. Чародею потребовалась вся его выдержка, чтобы милостиво кивнуть в ответ. Судя по всему, мужчину это вполне удовлетворило.

– Утречка, господин Златко! – кокетливо и звонко прозвучало откуда-то спереди.

Бэррин вскинул голову и наткнулся взглядом на фигуристую прелестницу с корзинкой цветов и в модной шляпке. Губки ее игриво изгибались, а закрученный локон у виска так и пружинил вверх-вниз. Парень невольно разулыбался в ответ. Несмотря на то, что девица тоже просвечивалась насквозь.

Правда, улыбка спала с губ, когда кокетка подняла личико и Златко заглянул в абсолютно белые глаза ее.

От увиденной жути пробрало до печенок. Захотелось по-

воротить коня и мчаться отсюда сломя голову. Юноша и сам не понял, как удержался. Может, потому что девушка, еще раз игриво улыбнувшись, прошла мимо. Или потому, что на улице появились еще люди – женщина с двумя детьми, еще не достающими ей до пояса, компания парней, мигом утихомирившаяся, стоило им заметить его, пожилая пара, чинно следующая по тротуару. Многие его приветствовали словами, кивками или поклонами.

Обычные люди, только глаза без радужек. И просвечиваются все как один.

«Куда я попал?» – думал Златко под цокот копыт Василька. Конь шел вперед, и вовсе не обращая на прозрачных людей внимания. Не шарахался, не дичил взглядом. Впрочем, он недавно и нежить подвез на своей спине и не дернулся. Вот же ж, ни чуйки, ни страха, одна дурь в голове. Зато хоть успокаивать не приходится.

Интересно, все эти люди – призраки или кто? На призраков они не походили. Не тянуло от них ледяной жутью, на солнце не испарялись. Ходили по земле или вон – на лошадях и в повозках ездили. Неприлично-таки это для привидений. А вот какая-то другая нежить – это вероятно. Златко подумал, что сейчас совсем близко к камню, а он и так в странном воздействии на не-мертвых замечен был. Но целый город не-живых?..

«Может, это и правда некогда существовавший город?

И все эти люди раньше жили тут? Тогда почему он не выглядит разрушенным? Иллюзия?» Юноша пощупал ближайшую стену. Если и иллюзия, то очень реальная.

Хозяин Синебора говорил, что Златко, перейдя мостик, окажется не в мире живых, но и не в мире мертвых. Может, тут призрачное состояние естественно? Тогда вопрос – откуда они все его знают? Да и относятся с явным уважением. Как... как... к кому-то, облеченному властью.

Кстати, интересно, кто тут правит? Судя по порядку и по спокойствию, общей благодати и приятной атмосфере, кто-то на редкость разумный. И будто в ответ на его мысли после очередного поворота появилась площадь. Главная площадь.

Златко с интересом разглядывал особняки на ней. Это явно управа, или как она здесь называется. А вот это рядом дом городского головы. Или нет? Юноша сжал коленями бока коня, и Василек двинулся вперед. Чтобы от души напиться из фонтана. Парень только глаза закатил. «Надеюсь, здесь за это не штрафуют». И сам подивился причудливости своей мысли. Где бы ему еще задуматься о штрафе, как не в иномирном городе, населенном полупрозрачными людьми. Кстати, а почему они все одной расы? Где орки, эльфы, гномы? Так в реальной жизни не бывает. Даже в Священной империи люди внешне разнообразнее. Это вот не понравилось Златко ужасно. Город сразу показался опасным и даже злобщим. И что с того, что он похож на Златославу? Если в него не пускают другие народы, значит, не все в нем в порядке.

Впрочем, какой порядок, если народ тут сплошь полупрозрачный?

Юноша и сам умылся из того фонтана. Пить не стал, отхлебнул из фляги и покачал головой. Интересно, надолго он здесь? А то водицы из Синебора может и не хватить. Глупо будет застрять тут, когда знаешь немало легенд, предупреждающих, что нельзя пить и есть в мире мертвых. Хотя Гуэнхал и говорил, что это не царство смерти, но перестраховаться не помешает. Златко сделал очередной глоток, задрав голову, и только тут обратил внимание на статую посредине фонтана. Надо же, как ему голову эти белоглазые призраки заморочили: такую красоту не увидел.

Скульптура стоила его внимания. Очень напоминала памятники, какие любили в Стонхэрме – реалистичные, героические и чуточку идеализированные. Стройный юноша с суровым, красивым лицом и... крыльями. Не такими, как у Златко, а скорее, как у птаха какого-нибудь. Говорят, даже раса такая была... или даже есть где-то. И у имперцев тоже что-то такое в мифологии вроде есть. Только там не живое существо, а дух или вроде того.

Бэррин обошел фонтан, дивясь работе скульптора. Красиво, да, ничего не скажешь. И сам юноша с большим мастерством выполнен, и одежда очень реалистичная, а крылья – прям внушают. Уважение и трепет, так сказать.

– Нравится? – раздался голос откуда-то сбоку.

Златко перевел взгляд на говорящего и чуть не поперх-

нулся. На краю фонтана сидел точно такой же юноша с крыльями, только вполне себе живой. И мина, пожалуй, не такая героическая. Одежда вполне обычная, разве что с прорезями для крыльев, но лат или хотя бы просто кольчуги нет.

А вот лицо – да, правильное, светлые волосы такие же волнистые и крылья – с перьями и по-прежнему внушают. Глаза – голубые-преголубые. Не парень, а девичья мечта.

– Впечатляет, – наклонил голову Златко. – Никогда не видел людей с крыльями.

– Смешная шутка, – расхохотался юноша и кивнул за спину Бэррину. Тот со смущением обнаружил, что его собственные синие крылья отчего-то решили явить себя миру.

– Я имел в виду – с такими, – неловко пояснил он.

– Я понял, – улыбнулся незнакомец и поднялся с бортика. Вблизи крылья оказались еще более мощными и красивыми. – Но ты вряд ли когда-нибудь был в нерожденном городе.

– В нерожденном городе? – мигом уцепился Златко.

Юноша вновь улыбнулся и, повернувшись, жестом позвал за собой. Он шел, а люди расступались перед ним, но будто неосознанно. Никто не пялился на белые крылья, не разглядывал украдкой, хотя некоторые по-прежнему здоровались со Златко. Бэррину казалось, что прозрачные и белоглазые жители просто не видят незнакомца с крыльями, хоть он-то как раз был вполне себе во плоти.

За ним чародей подошел к дому, который определил как

предназначенный для городского головы. Когда они оказались рядом, стало заметно, что особняк не просто красивый, но и выполнен с отменным вкусом. Он выражался во всем – в гармоничности фасада, в тонком цветочном орнаменте, в тяжелых узорчатых дверях, в изящных кованых балкончиках и даже в цветах на них.

Юноша с крыльями толкнул двери, и они удивительно бесшумно распахнулись. Холл оказался высокий, с лестницами в разных сторонах и галереей между ними. Златко успел заметить темного дерева напольные часы и дорогой замысловатый ковер. Незнакомец же направлялся к противоположной двери, пройдя особняк насквозь. Они оказались в саду, который совершенно не ожидаешь увидеть в самом центре города. Более того, в саду совсем немаленьком. Здесь нашлось место и для деревьев, и для дорожек, и для статуй, и для клумб, и для беседки, и для качелей.

Крылатый прошел к кованому белому столику с такими же стульями и изящно опустился на один из них. Тень роскошного узорчатого клена укрывала это прелестное место отдыха. Вид отсюда открывался на разноцветный розарий, выхватывая часть узкой дорожки со стражами-пихтами по краям.

«Здесь должна прогуливаться хозяйка дома с очаровательной дочкой», – подумал Златко, и воображение живо нарисовало красавицу-шатенку в шляпке и голубом платье, а рядом подпрыгивающую девочку в желтом с куклой в руках.

Малышка что-то говорила, а прекрасная женщина улыбалась ей с нежностью и лаской, от которых хотелось улыбаться самому.

Бэррину с трудом удалось прогнать видение, и он, изрядно поколебленный этой картинкой, опустил на свободный стул. Рядом на столике исходил душистым паром чай и подставляли бочка свежему ветерку засахаренные ягоды.

– Красиво, правда? – белокрылый откинулся на спинку стула, с явным удовольствием рассматривая розы всех возможных оттенков.

– Не то слово, – согласился Златко, вспоминая шатенку в шляпке. Кто бы мог подумать, что его собственное воображение способно представить подобную красоту.

– Мне нравится, как здесь... умиротворенно, – незнакомец не сразу подобрал нужное слово. – Место для счастья.

– Пожалуй, – снова кивнул Бэррин, разглядывая особняк уже с этой стороны. Проектировали и строили его явно мастера. Сколько изящества в нем! И это при том, что размеры немаленькие, но со стороны это не особо заметно – крылья здания под прямым углом поставлены и обрамляют сад, который потом идет дальше. Наверняка там еще и постройки есть, уже хозяйственного назначения. Дом явно строили не как замок, но за счет огороженной территории на него легко поставить защитные заклинания. Да и камни некоторые, похоже, именно для этого подбирали. Кажется, что они для красоты чуть выделяются, а это основа для охранной магии.

Да и узор, скорее всего, тоже. Изящное решение, не поспоришь.

Златко по-новому оглядел сад. Чувствовалась в нем рука отличного садовника. Как и женское влияние. Вновь в голове мелькнул образ шатенки в голубом. Кто-то, явно разбираясь в магии, настоял, чтобы здесь посадили клен, и вон там дуб, и некоторые другие деревья – тоже охранники по своей сути, и магию хорошо держат, а еще дают силы, особенно магам Земли. Ива наверняка поняла бы больше – он в травах не силен, но даже цветник тут не обычный. Красота, чародейство и целительство – вот его назначение. Хотя, возможно, узор тоже что-то значит. Удивительно.

Юноша поднял голову, рассматривая окна второго этажа. Он отметил и крепость рам, и изысканную надежность рукоятей, и разнообразие портьер и мебели, по крайней мере той, что была видна отсюда. Дом и сад действительно дышали умиротворением. Спокойствием, уверенностью, благородством, достатком. Здесь было... хорошо. Тело наполнялось силой, а душа... радостью. Да, вот уж точно – место для счастья.

Кто-то очень постарался, создавая все это.

– Это дом городского головы, – пояснил белокрылый. – Вернее, в его ведении и сам город, и все окрестные земли.

Чародей в восхищении только покачал головой. Он еще по дороге заметил щедрые поля, полноводные реки, богатые леса, зеленые луга. И пшеницу посадить, и скот выпастить, и

рыбу заготовить, и пушнины, ягод, грибов добыть. И это на первый взгляд. А там – мудрое руководство, и золото рекой потечет. Хватит и крестьянам, и горожанам, и войску, и властям местным.

– А князь есть? – не удержался и спросил Златко.

– Так он князь и есть по сути. И властвует, и управляет. Зачем плодить чиновничью братию, если он и сам может управиться с землями? Знаешь, во многих дворянских семьях этому с рождения учат, причем всех сыновей.

Бэррин знал. В его семье так и было. Пусть наследник Эрил, а Златко только третий сын, однако при необходимости управился бы с замком и землями не хуже. Даже близнецов учили тому же, хотя, казалось бы, – зачем им? Чародей не завидовал старшему брату. Он с детства привык считать такое положение нормальным, тем более ему достался куда больший дар – магия. Возможно, и у него получится заработать на замок и земли. Кто знает? По крайней мере он постарается. Но место и впрямь волшебное. Лучше и желать нельзя. В Срединных землях, да все богатства есть.

Работы здесь, конечно, немало – чтобы не покрали все, что свои, что соседи, которым такие красоты явно поперек горла встанут. Не позволить им ни оружием, ни золотом, ни подлостью прибрать к рукам то, что должно принадлежать местным. Позаботиться, чтобы дороги в порядке содержали, чтобы здания с умом строили, воровскую братию к ногтю прижать, налоги и пошлины продумать, грязи не допустить,

магов привечать, производства организовать. Вот это обязательно! Чтобы не сырье увозили, а изделия местных мастеров. Да-а, дел много. Но дела эти хорошие, полезные, душе и обществу приятные.

И понятно, почему особняк, а не замок. Другие отношения, другая ситуация. Но так Златко даже больше нравится. Можно не чинясь добежать до любимого трактира или заскочить в лавочку. Какую лавочку? Да вот хоть к Иве. Наверняка же она рано или поздно откроет магазинчик с зельями. Не тот характер, чтобы за армией или упырями таскаться. Но и только врачевать она не захочет. Такой же выбор – отличное решение. И время ей даст, и доход, и уважение.

Грыму тут тоже найдется работа. Он уже сейчас не хочет бродяжничать с какими-нибудь наемниками. Пост главы охраны, стражи или должность в сыске куда больше ему придется по душе. Для Дэй тоже что-то найдется, чем бы она ни захотела заняться. Для Калли так вообще полное раздолье. Это вечно холодный Стонхэрм эльфы едут неохотно, а Срединные земли любят даже им. Тем более что Светлые Леса здесь примерно все на одном расстоянии. Очень удобно.

– А он не против, что мы тут так расселись? Или ты вхож в дом? Кстати, а где хозяин? – спросил Златко, чтобы отвлечься от своих таких неуместных сейчас мечтаний.

– Хозяин? – усмехнулся белокрылый. – Он сейчас решает, что с озером делать.

– Тут и озеро есть? – заинтересовался юноша. Озеро – это

хорошо. Особенно для рыбы. Она в озерах порой бывает очень вкусная. Интересно, а соли там есть? Или какие-нибудь полезные грязи? Травы опять же, как Ивушка бы сказала.

— Еще какое, — юноша достал из внутреннего кармана сложенную карту и принялся ее расправлять. Златко поморщился на заломы, но тут же забыл о них, с восторгом разглядывая богатые земли. — Вот, — ткнул белокрылый в синюю кляксу. — Озеро Иньдель. Очень его гурманы наши уважают.

Бэррин вопросительно поднял бровь.

— Рыбка там одна водится, — пояснил собеседник, — дуже вкусная. На продажу в чужие земли идет по весу золота, да и то днем с огнем не найти.

— Даже так! — восхитился Златко, мысленно прикидывая, сколько пошлины на одной этой рыбе можно взять, и продолжая разглядывать карту. Если верить ей, то в озеро впадало несколько вполне себе приличных рек, а вытекала только одна. Зато какая! — Так что с озером решать? Только дозором обходить да смотреть, чтобы не браконьерствовали, но это уж никак не работа городского головы.

— Конечно нет, но, видишь ли, — пернатый постучал пальцем по карте, — через Иньдель идет основной торговый путь.

Златко еще раз посмотрел на карту. Соседних городов на ней не изобразили, но по логике именно вдоль рек они и должны были бы стоять. А водный путь куда предпочтительнее для торговли — и грузы доставлять легче, и разбойников

поменьше.

– И в чем сложность?

– Мелкое оно, – вздохнул белокрылый. – Дно песчаное. Заболачивается постоянно. Цветет. Рыбадохнет от всего этого. Это раз. А два... чуть волнение – песок туда-сюда носит, даже опытный лоцман замучается. Если корабль на мель сядет, купец в немалый убыток войдет. Да и нечисть в таких местах, сам знаешь, коварная да наглая.

Теперь Бэррин разглядывал карту с куда более практическим интересом. Действительно, если озеро такое неудобное, то нужно что-то с этим решать. Можно магию подключить или просто каких-нибудь ученых умников. Болота же как-то останавливают. Значит, и с обмелением можно бороться. Но что-то подсказывает, что это головная боль и траты постоянные. Там единоразовой работой не обойтись. Для торгового пути нужно более надежное решение. Златко еще раз взгляделся в карту, поводил пальцем по изогнутым линиям рек.

– Ага, – довольно улыбнулся он наконец. – Вот тут нужно канал вырыть.

Белокрылый чуть наклонился к указываемой точке.

– Вот видишь, здесь одна река близко подходит вот к этой, которая в город ведет. Почему, гоблин побери, названий не написали? В общем, здесь не такое уж большое расстояние между реками, вполне можно прорыть канал. Нужно, разумеется, выяснить на месте, возможно ли это в принципе, раз-

ные бывают условия. Но мне кажется, вполне реально. Работа, конечно, большая, зато озеро остается в стороне. И, кстати, здесь можно и таможенную постройку поставить. И дозорный пункт, чтобы пираты и прочая нечисть не шастали.

Пернатый разглядывал карту и явно продумывал плюсы и минусы такой грандиозной задачи.

– М-да, вот что значит кровь Короля, – задумчиво протянул он наконец.

Златко довольно улыбнулся. Похвала его способностям оказалась так же приятна, как удовольствие от найденного решения.

– Уверен, что ваш князь придет к тому же решению, – великодушно ответил он.

– Конечно, – усмехнулся белокрылый. – Ведь он только что это сделал.

– В смысле? – нахмурился Бэррин.

– Ты придумал решение.

– Так это я.

– Верно. Ты сидишь в саду княжеского особняка и принимаешь решения, какие должен принимать князь. Тебе нравится это место, и ты подходишь ему. И если у тебя хватит смелости, оно будет твое.

– Смелости? В чем? Я не собираюсь устраивать переворот или на что ты намекаешь?

Белокрылый засмеялся.

– Переворот? О нет. Этот город еще не родился. У него

еще нет стен, домов, жителей и, разумеется, князя или городского головы.

– Но я же видел... И стены, и дома, и жителей.

– Да, потому что ты в мире, которого нет. Но однажды и очень скоро этот город родится в вашем мире.

– Как Златослава? – у юноши вдруг перехватило дыхание.

– Именно. Земли снова раздвинутся, и появится еще один славный город. Будешь его князем?

Златко сидел как громом пораженный. Князем...

Мечта. Тайная, самая дорогая, нежно лелеемая – и совершенно неосуществимая.

Хватит ли ему смелости?

Смешно! Его смелости хватит на целый мир! Город... да, город – это ответственность, это множество важных и мелких решений, это сотни и тысячи судеб, это знания, которые еще придется получить, это ежедневная тихая работа, в которой больше бумаг, чем меча или магии. Но город... город. Свой. Его город... Мог ли он мечтать о таком? Богатые земли, щедрые леса, полноводные реки, мощные стены, красивые дома, роскошная резиденция. Почет, уважение и понимание, что ты делаешь что-то действительно нужное.

«Вот почему они улыбались и кланялись мне! – догадался Златко. – Местные... будущие жители, они здоровались и выказывали почтение. Кто посolidнее – заговаривал, девушки – кокетничали, а остальные просто проявляли уважение».

– Так будешь, будешь нашим князем, Златко Бэррин по прозвищу Синекрылый? – голубоглазый юноша смотрел серьезно и чуть насмешливо.

Златко застыл с наиглупейшим выражением лица, которое явно доставило немало удовольствия пернатому.

– Если, конечно, я правильно рассуждаю, и потомуку Короля Всех Людей действительно не нужно объяснять, что княжение – это не только балы, охота и красавицы.

Юноша фыркнул. Даже одним замком управлять не так и просто, что уж про целое княжество говорить.

– Уверен, что справишься? Ты сейчас себя хорошо показал. Но придется же и с людьми общаться, и в делах самому разбираться, и в бой вести, и горланящих заклятых соседей разнимать. Не раз сапоги в болотах замочишь, не раз меч кровью обагришь, не раз предателей на плаху отправишь. А предадут – только свои. Те, кто подобрался близко, чтобы нанести удар. И осуждать будут, и свалить пытаться, и интриговать против. И сам будешь лицемерить, обманывать и делать то, что не нравится. Возьмешь на себя этот груз? Подумай хорошо. Только не гордыней, не тщеславием думай, а думай, что жизнь одна – и как ее жить, лишь тебе решать. Что важнее – легкость существования или след в истории, безопасность и спокойствие или величие и богатство? Думай, Златко, думай. А решишься – всё твоё станет.

Лицо белокрылого вдруг приобрело то же выражение, ка-

кое было у статуи – строгое и торжественное. И стало ясно, что сейчас действительно решается судьба – города, княжества и самого Златко.

Юноша прикрыл глаза. «Всё моё станет...» Мысль будоражила. «Моё... моё...» Интересно, что лучше на местных полях выращивать? Пшеницу, рожь, хлопок, ячмень? Что-нибудь из масляных культур? Обязательно нужно пивоварни организовать, если еще нет или мало. Эль... это должно быть что-то. А растет ли тут виноград? Или холодновато все же? А какие тут производства еще можно поставить? Да все что угодно! Такие земли! Но нужно выбрать специализацию или две-три. Не нужно разбрасываться. Еще обдумать налоговую политику, чтобы не душить налогами и поборами, но и вседозволенности не допустить. Нужно ли поощрять новичков, или будут злоупотреблять? Потом попробуй заставь платить... Войско! Непременно и в первую очередь. Ведь такой лакомый кусочек обязательно захотят отобрать! Это Златослава защищает своего князя... Златко покосился на белокрылого, спокойно попивающего душистый чай из фарфоровой кружки. С выгнутой, гоблин побери, ручкой! И золотой каемочкой! Без всяких, простите боги, «милых провинциальных рисунков». Нет, этот пернатый не похож на Златославу. Здесь явно не тот случай. Нужно самому вернуться. Похоже, придется принцу кланяться. Или все-таки сам справится? Нужно с Эрилом посоветоваться. Маги обязательно нужны. Без них точно не устоять. Хотя если явит-

ся парочка таких, как Рябинка Азилеску, кто тут выдюжит? Нет, точно придется принцу кланяться. Но нужно привилегии и права выжать. Причем навсегда, а не пожизненно. И закрепить за родом. Да-а, за родом. Обязательно нужны сыновья... То есть в первую очередь хорошая жена. Перед мысленным взором вновь мелькнула красивая шатенка в шляпке. С девочкой... дочкой... в таком прекрасном месте обязательно должна играть дочка, папина радость... Но сыновья да, нужны...

Самое же главное, свое княжество означает, что его самые важные люди будут в безопасности. Насколько это, разумеется, возможно. Их не коснутся жадные чиновники, несправедливые судьи, нищета или еще какая беда, которую можно отвести, будучи у руля. Не к этому ли он всегда стремился? Дать любимым надежный безопасный дом, защитить их от любых невзгод... Причем, для этого не нужны какие-либо лишения с его стороны. Наоборот – ему предлагают то, о чем он только мечтал, не решаясь даже озвучить эти грезы хоть кому-нибудь. Он же будет хорошим правителем. У него все есть для этого. А то, что придется много работать... Ерунда! Ведь его работа будет приносить реальные плоды. Их можно будет увидеть, посмотреть, пощупать. Не многим выпадает такое счастье. Работа, результатами которой сам доволен, – это счастье.

– Так что, берешься?

Златко наткнулся на улыбку белокрылого юноши, уже от-

крыв рот, чтобы согласиться. Увидел напряжение в его глазах, темное, скрытое ожидание, которое неожиданно настояжало чародея. Будто окатило холодной водой. Он пришел сюда разрушить камень, который угрожает всему миру. Это важнее личного честолюбия, как бы сладка ни была его реализация. Нужно найти этот гоблинский камень, а тогда уже думать о княжении. Тем более если твари из-за Гор Пред Вечными Снегами прорвутся, эти земли тоже пострадают. Нельзя этого допустить!

– Мне нужно сначала сделать одно дело, а потом уже принимать судьбоносные решения, – не очень уверенно, все еще пребывая в плену своих грез, произнес Златко.

– Какое еще дело? Что может быть важнее княжества?

– Мир, – вздохнул Златко.

Белокрылый бросил на него скептический взгляд, и юноша мгновенно устыдился пафосности ответа.

– Ну и что миру требуется от тебя? – приподнял одну бровь пернатый.

– Я ищу... – Бэррин задумался над формулировкой, – волшебный камень.

– Волшебный камень? – удивился белокрылый.

– Да. – Златко прикусил губу, размышляя. – Скорее всего, мощное сосредоточие силы. Возможно, в виде камня. Предполагаю, что это место считается или проклятым, или, наоборот, священным. Вероятно, рядом с ним ощущаются определенные искажения энергии, сбоят заклинания, амуле-

ты работают неправильно или не работают вовсе.

Белокрылый задумался. Смотрел на свои красивые, холёные руки и явно что-то прокручивал в голове. Златко же украдкой разглядывал собеседника. Может, стоит сначала расспросить его о нём самом? Явно же необычное существо. Бэррин понимал, что, скорее всего, перед ним кто-то вроде Стонхэрма, вернее, его человеческого воплощения. Есть, конечно, вероятность, что это обычное создание из плоти и крови, просто раса редкая или существующая только здесь, в мире, где уже стоят нерожденные города. Но все же вероятность первого варианта выше. Наверное. Златко подумал, что нужно бы прощупать пернатого магией. Правда, может и обидеться на такое. А если хотя бы магическим зрением на него глянуть?

Ресницы чародея слегка дрогнули, когда он попытался поменять восприятие. Ему показалось, что губы белокрылого едва-едва приподнялись, будто от сдерживаемой улыбки. Он отвел взор от своих – красивых, что уж говорить – рук и уставился Златко прямо в глаза.

Нечасто Бэррина пробиало от одного взгляда. Он так и не понял, что в нём было – предостережение, интерес или насмешка, но пробрало до печенок. Обычно говорят, «будто в бездну заглянул». Вот и здесь что-то такое. Ощущение – стоишь на краю неогороженного обрыва и смотришь, как далеко внизу бьется о камни мелкая горная речка. И голова кружится. Жутко – не оторваться. И мир будто острее, ярче

становится. Юноша напрочь забыл, что собирался сделать. С трудом отвел глаза и потрянул головой, приходя в себя.

– Кажется, я знаю, что ты ищешь, – как ни в чем не бывало заговорил белокрылый. – Есть тут такое место. Отведу тебя, как обо всем договоримся. Так что...

– Лучше сейчас. – Златко сам не понял, откуда у него взялась смелость возражать этому существу. Тот от неожиданности даже замолчал, потом же просто посмотрел на Бэррина. Чародей, памятуя о силе его взгляда, уставился в дерево за спиной юноши с белыми крыльями. Однако требующий объяснения взор чувствовал даже так. – Перед одним важным делом нужно закончить другое важное дело.

– Позиция хорошая, конечно, – белокрылый заговорил после паузы. – Однако вряд ли применимая на практике. В жизни у любого с десятков важных дел одновременно.

– Есть такие дела, которые не отложить, или, лучше сказать – ради них откладываются все другие.

– Да ты философ.

– Увы, нет, – усмехнулся Златко. – К моему глубочайшему сожалению, это самая что ни на есть практика.

– А что если я скажу так, – чуть наклонив голову, произнес белокрылый, – решать нужно здесь и сейчас. Можно подумать, тебе часто княжество предлагают.

– Не часто, – согласился Бэррин. – Но это серьезный вопрос, а серьезные вопросы нельзя решать быстро.

– Большинство серьезных вопросов только так и решают-

ся, – покачал головой белокрылый. – Это потом придумывают объяснения, прописывают сопутствующие обстоятельства и рассказывают о причинах. На самом деле решение принимается за миг, – он щелкнул пальцами. – Даже если ты себе в этом не признаешься, миг – и решение принято. Остается только убедить себя в его правоте. И я знаю, что решение ты уже принял.

Златко опустил голову, он понимал, что собеседник прав. Он давно уже определился. И его осторожность сейчас – это дань страхам и предусмотрительности. И, разумеется, он должен завершить свою главную миссию. Остальное – потом. Но да, решение он уже принял, однако... нужно прояснить очень-очень много моментов.

– Вижу, что ты согласен со мной, – одним уголком губ усмехнулся белокрылый.

Чародей вздохнул. И как тут вести серьезный разговор, если твой выбор очевиден всем? Пернатый ухмыльнулся уже в открытую.

– Только вот что я тебе скажу, милый друг, – он сделал мстительную паузу. Златко знал этот прием. Знал, но сейчас совершенно отчетливо ощутил на себе его силу: голову начали заполонять не оформившиеся, часто не осознанные страхи, – не будет тебе княжества.

И они неожиданно получили свое подтверждение. Юноша смотрел на белокрылого полными ужаса глазами. Его княжества не будет?

– Эти земли, – пернатый повел рукой, – еще не появились. И этот город тоже... не рожден. Это по сути... м-м-м... возможность. То, что могло быть, но не факт, что будет. Нельзя править тем, чего нет.

– Но ведь... еще нет? Но будет же?

– Возможно. Если сможет воплотиться, – и он многозначительно посмотрел на Златко.

И прекрасно понимая, какого вопроса от него ждут, тот не смог его не задать.

– И как помочь ему воплотиться?

Белокрылый отвел глаза и посмотрел на небо. Ждал. Мучил. Может, обдумывал... И лишь когда ожидание стало невыносимым, наконец ответил:

– Не разбивать камень.

Златко показалось, что он ослышался.

– В смысле... не разбивать камень?

– В буквальном, – пожал он плечами. – Просто не разбивать.

– Но ты же понимаешь, что это невозможно, – ужаснулся Бэррин.

– Почему? – чуть приподнял белокрылый брови. – Я же не прошу у тебя личной жертвы. Заберешь сюда маму с папой, братьев, кто там тебе еще важен... Калли, Иву, Грыма, Дэй... Так же твоих друзей зовут? Пусть знахарка свою тетушку заберет, а милашка гаргулья – родителей и брата. Эльфийской семье тут тоже будут рады. Не знаю, что там с троллями, но

одно-два существа погоды не сделают.

Синекрылый только молча хлопал глазами, разве что не громом пораженный.

– А чем плохо? Ты защитишь их от любых невзгод. Сам будешь править. Город воплотится в реальности. Род твой назовут княжеским, и потомки твои будут править этими землями веки вечные. Ты и твои близкие станут основателями. Почитаемыми и уважаемыми. Почти что небожителями. В том мире, откуда ты сейчас пришел, такого тебе не добиться. Никогда. Здесь же ты станешь центром мироздания, а близкие твои получат все, что желают.

– Но... как же остальной мир?

Белокрылый перевел на своего собеседника тяжелый, совсем не юношеский взгляд. Несколько секунд молчал, а потом проникновенно и веско обронил:

– А какая разница?

Бэррин открыл рот, чтобы ответить. Но его собеседник отмахнулся от невысказанных слов.

– Сам подумай – какое тебе дело? И не надо мне петь про благородство и любовь ко всему живому. Вот начнется война, и увидишь, сколько в людях и нелюдях останется того благородства и любви. Мигом вся эта мишура осыплется, каждый только о своей шкуре станет думать. И объединяться будут только, если так выгоднее. А как выгода изменится – предадут и виноватыми себя не почувствуют. Вижу, ты не согласен. Ну да тебя так воспитывали. Тогда подумай о

том, что станет с твоими близкими, когда это все начнется? Никто не останется в стороне. Эрил будет воевать в первых рядах. И, скорее всего, поляжет со всеми своими соратниками. Друзья твои, хоть мало что пока умеют, тоже пойдут. Думаешь, выживут? Обязательно во что-нибудь встрянут. Или вас предадут. А здесь ты их всех убережешь. И себя, и родных, и друзей.

– Я здесь как раз, чтобы войны не случилось.

– Она случится все равно. Может, не такая страшная, как могла бы, но этот вал уже не остановить.

Златко неожиданно разозлился.

– И что ты предлагаешь? Не бороться? Бросить людей на растерзание? Самому укрыться здесь и ждать? А потом править на пепелище прежнего мира? Город не может существовать в пустом мире! Один город – и монстры вокруг! Как ты себе это представляешь?

– Так уж и только монстры, – развеселился белокрылый. – Монстров рано или поздно свои же перебьют. Или они вернутся в Земли Пред Вечными Снегами. Останутся те, с кем можно договориться. Да и... всех не вырежут. Рано или поздно люди, эльфы и прочие гномы, кому удалось отсидеться, выползут из нор. Отстроятся, обживутся. Вот тебе и будет мир вокруг. Зато ты своих спасешь. Всех до единого. Это точно важнее какого-то абстрактного, гипотетического всеобщего блага. Людей и нелюдей, которых ты не знаешь. Городов, которые видел только на карте. Есть они, нет... какая,

по сути, разница? Вот тебе? Какой-нибудь Гоблинберийск на сотнях верст? Нет его – ну и ладно.

Бэррин на миг прикрыл глаза.

– Нет, я так не могу, – покачал он головой.

– Почему? – очень удивился белокрылый. – Тебе и делать-то ничего не нужно, – внезапно он замер. – А! Понял! Из-за этого смешного проклятия? Забавная штука, согласен.

Пернатый чуть склонил голову, улыбнулся и щелкнул пальцами.

– Вот и все, нет больше твоего проклятия.

– Нет? – неверяще повторил Златко.

– Нет, – кивнул собеседник.

– Ты думаешь, я поверю, что многовековое проклятие можно вот так снять щелчком пальцев?

Белокрылый только усмехнулся.

– Один из пяти камней заставил орды неповоротливых и туповатых созданий на всей территории Земель Пред Вечными Снегами эволюционировать, а самых умных из них проникнуть в ваше общество, обжиться там и заставить людей воевать друг против друга. Второй камень создал этот город, эти щедрые земли вокруг и готов раздвинуть границы двух миров, чтобы его создание воплотилось в реальности. Что его силе проклятье какого-то шамана-недоучки?

Златко невольно прислушался, ожидая услышать ворчливое «И вовсе не недоучки!» Но сварливый голос звучал только в его мыслях.

– И что, проклятия действительно больше нет?

– Нет, – хмыкнул белокрылый, – считай это моим подарком.

– Подарком? – удивился Златко. – А от кого? Кто ты вообще такой?

Юноша с белыми крыльями улыбнулся.

– Наконец-то мы добралась и до этого вопроса. Я все гадал, когда ты спросишь?

– И? – Бэррин поднял бровь. А его собеседник только повел плечами.

– Я что-то вроде знакомого твоей подружки – Стонхэрма. Только этого города еще нет. И меня тоже... вроде как нет.

– Но ты же есть.

– И город есть, – кивнул белокрылый. – Но это только возможность, вероятность. Если ты разобьешь камень, его не будет.

– Не будет? – у юноши перехватило дыхание. Этого прекрасного города не будет?

– Не будет, Златко, – подтвердил пернатый. – Ни этих улиц, ни площадей, ни фонтанов, ни этого дома. И князем ты не будешь. Не только над этими землями, но и вообще, я это отчетливо вижу. Конечно, чего-то ты добьешься. Но это... – он грустно улыбнулся, – даже близко не будет сравнимо с тем, что я предлагаю. Это твой единственный шанс перешагнуть через судьбу. Другого не будет.

Златко закрыл глаза, чувствуя отчетливую горечь на язы-

ке. Зачем он ему это рассказывает? Променять собственную высокую судьбу на... на что? На судьбу обычную? Гарантированное прекрасное будущее на неизвестность? Благополучие близких на опасность для них? Интересную жизнь, в которой сбудутся все мечты: он всё получит, он будет царь и господин, его будут уважать, он сделает много-много хорошего, он встретит прекрасную женщину, у него будут дети, по крайней мере дочь, это точно, и все его родные будут в безопасности, достатке и благополучии – и все это променять на шанс для всего остального мира? Гипотетический, весьма зыбкий шанс. Война, прав крылатый, все равно случится. Но если подумать, остальной мир – что это такое? Существуют ли все эти люди и нелюди? Умри любой из них – разве что-то изменится в его жизни? Ничего не изменится. Кто они ему? Никто. Да, кто-то должен сеять, пахать, мастерить сапоги, шить одежду, ковать мечи... Но здесь у него будут люди. Остальные же – выживут как в прошлый раз – хорошо. Не выживут... кто-то да выживет, всегда так было. Твари откатятся назад, и самые осторожные и самые удачливые вылезут. И мир быстро восстановится, измененный, но не сломленный. А что будет, если он вмешается?

Удастся ли им разрушить все пять камней? Теперь Златко казалось, что их авантюра изначально была обречена на неудачу. Поэтому принц и не дал большого количества людей. Боги, если подумать... куда он отправил Иву с Грымом? В самое страшное место этого мира. Да там еще и армия

сейчас собирается... Небо... о чем он только думал. Воображение легко нарисовало снежную землю, истоптанную, залитую кровью людей, лошадей, монстров, располосованные тела, обезображенного стоящего до последнего тролля, искаженное в муке, застывшее лицо мертвой подружки... Он уже видел это один раз. Больше не хочется. А Дэй!.. В подземелья! Гаргулью! И с кем?! С вампирами! Он, наверное, действительно лишился разума, раз позволил этому случиться... Сгинет, и даже тела не найдут. Более того, сгинет самой ужасной для нее смертью – в темноте и тесноте. Боги, что же он такой идиот! Надо было передать сведения принцу, пусть бы отправил опытных магов, воинов и ведуний. Почему он, Златко, вообще подумал, что они справятся? Дурак, какой же дурак. А Калли? Калли... может, хоть ему что-то удастся. Хотя острова только с виду безопасны. Тот еще гадюшник. Что ни правитель, то или тиран, или пират. Иногда два в одном. Справятся ли друзья? Смешно... почему он сразу не понял, насколько это смешно. Нельзя было позволять им уезжать. Это все Стонхэрм, запутал их. Нет... камни им не разрушить. Хоть один да останется. А значит, будет война.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.